

ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI 10.24412/2076-8176-2024-1-10-60

Николай Петрович Вагнер — жизнь и ипостаси талантливого человека

Часть I. Путь в науку и в науке

С.И. Фокин

Университет Пизы, Пиза, Италия;
sifokin@mail.ru

Эта статья — первая часть работы, в которой автор предпринял попытку подробно реконструировать жизненную историю профессора Н.П. Вагнера (1829–1907), известного зоолога и писателя второй половины XIX в.; профессора Казанского, а потом Санкт-Петербургского университетов. В конце жизни (1898) ученый был избран членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. В науке он известен как автор небольшого числа энтомологических, эмбриологических и зоологических работ. Наиболее известны среди них открытие Вагнером педагогеза у двукрылых-галлиц (1862) и его монографическое описание некоторых беспозвоночных и низших хордовых Соловецкого залива Белого моря (1885). Начало исследований Вагнером фауны Белого моря (1876) привело к основанию там ученым на главном острове Соловецкого архипелага Морской биологической станции (1881/1882) — одной из основных заслуг Вагнера-ученого. Работал Н.П. Вагнер и на южных морях — Черном и Средиземном (неоднократно). К сожалению, во второй половине 1880-х гг. литературная работа, а прежде всего, увлечение еще с начала 1870-х гг. спиритизмом привели к тому, что профессор прекратил всякую научную, а потом и преподавательскую деятельность. Эти ненаучные ипостаси ученого будут обсуждены во второй части настоящей статьи. В работе использованы опубликованные воспоминания ученого, значительное число материалов о Вагнере, появившиеся за последние 115 лет, и архивные материалы, прежде всего из его Пражского архива, до сих пор не использованного в должной мере историками

науки. Текст проиллюстрирован в том числе редкими фотографиями из Пражского архива ученого и семейных архивов его потомков.

Ключевые слова: Богословский завод, Казанский университет, зоология, морские исследования, Н.П. Вагнер, Санкт-Петербургский университет, семья, энтомология.

Введение

Едва ли найдется у нас другой зоолог, который обладал бы такими разнообразными естественно-историческими знаниями.

Карл Кесслер, 1870

Вся история — есть биография.

Роберт Помберг, 2010

В прошлом отечественной науки, да и культуры вообще, немало фигур, обойденных до сих пор по разным причинам вниманием историков. Тем не менее, многие из них заслужили не только краткую справку в биографическом словаре и/или юбилейную (мемориальную) публикацию. В силу естественных причин, чем дальше в прошлое отступают лица этих людей, события, в которых они были участниками, их научные и культурные свершения, тем труднее вернуть их к жизни. Это, конечно, относится прежде всего не к звездам первой величины, а к фигурам второго-третьего ряда, во многом и создававшим культурный «чернозем» нации. Научные статьи и монографии можно разыскать, прочесть и составить представление об их значимости для науки, конечно, если для этого достаточно собственной компетентности. Труды писателя доступнее и, на первый взгляд, их проще оценить каждому читающему, хотя далеко не всегда это так. А как быть с личностью творца? Все равно, в какой области человек смог проявить себя таковым. Где были истоки его интереса к науке и научной деятельности, к литературе, искусству? К творчеству в самом широком смысле этого слова. Кто был его друзьями и учениками, и были ли таковые? Семейные корни, учителя, окружение и, конечно, собственные способности и влечения (личность) — все это и определяет путь человека в жизни. Все, что в конечном счете вмещает в себя тире между датами рождения и смерти...

В целом в настоящее время Николай Петрович Вагнер (особенно как писатель) не принадлежит к «неудачникам». Интерес к истории жизни и разнообразной активности героя этой статьи тем не менее претерпел, с момента ухода Вагнера с жизненной сцены, заметные флуктуации. Достаточно известный при жизни и как ученый: свыше 80 научных и научно-популярных публикаций¹, включая пару учебников, книгу о жизни животных и зоологическую монографию, посвященную

¹ Строго говоря, научных публикаций у Вагнера было значительно меньше. После публикации первого тома «Беспозвоночные Белого моря» (Вагнер, 1885а) наукой он практически не занимался; многие публикации ученого имели научно-популярный характер, а некоторые научные — публиковались по нескольку раз в разных изданиях. Краткий, еще прижизненный разбор научных работ ученого сделан в документе, отложившемся в Петербургском филиале архива Российской Академии наук (СПбФА РАН), Ф. 51. Оп. 1. Д. 124.

фауне Соловецкого залива Белого моря, и как писатель: семитомное собрание литературных трудов — сказок, рассказов, повестей и большого романа. Несмотря на все это, около века Николай Петрович, прежде всего как писатель, был почти забыт (Шимкевич, 1908; Мильдон, 1989). К концу XX — началу XXI в. интерес к нему и как к писателю, и даже как религиозному философу, одному из преданнейших адептов спиритизма, значительно возрос. Выросло и число (правда, больше компилятивных) публикаций, прежде всего или частично освещающих его жизнь (Широков, 1991; Харчев, 2000; Фокин, 2003, 2006а, 2011б; Горяшко, 2008; Бессонов, 2012; Беньковская, 2020; Fokin, 2008). Большинство из биографических работ, однако, не могут считаться полно и без ошибок описывающими историю жизни и творчества этого незаурядного представителя российской интеллигенции второй половины XIX в. Одна из очевидных причин такой биографической ущербности многих публикаций о Н.П. Вагнере — отсутствие в отечественных архивах его личного фонда (Фокин, 2009а, 2010, 2012) и вообще нечастое использование большинством публикаторов даже доступной в России архивной информации. Это порождает некоторое число неточностей, а часто и прямых ошибок как в фактической канве жизнеописания героя, так и в оценках его личности (Дудаков, 1993; Горяшко, 2008; Бессонов, 2012; Беньковская, 2020)².

Излишняя убежденность, что в биографических словарях и Интернете можно найти все, и что все, там собранное, есть информация полностью правдивая, также приводит к неточностям и ошибкам, которые начинают кочевать из статьи в статью, только увеличивая информационную энтропию (Мильдон, 1989; Бессонов, 2012; Беньковская, 2020).

Существует некоторое количество воспоминаний современников об ученом-спирите и его семье, введенных в научный оборот после смерти героя (Шимкевич, 1908; Алтаев, 1959; Никольский, 1966; Надсон, 2003; Ясинский, 2010; Фаусек, 2011; Книпович, 2011). Многие из них, безусловно, следует признать полностью правдивыми, хотя к мемуарам, написанным много лет спустя после реальных событий, следует относиться с известной долей осторожности.

В российских архивах хранится ряд официальных документов относительно карьеры ученого и некоторая часть его переписки³, в значительной степени деловой, однако личного архива Н.П. Вагнера в отечественных архивных собраниях действительно нет. Долгое время я предполагал, что он утрачен. Мои попытки

---

² М. Бессонов опубликовал несколько заметок о Н.П. Вагнере в региональной прессе еще в 1999 г. Много текстов о Н.П. Вагнере помещены в Интернете, две наиболее объемных, хотя и не лишенных ошибок, статьи помещены там на сайте «ПродетЛит» — https://prodetlit.ru/index.php/Вагнер_Николай_Петрович (дата обращения: 20.08.2023) и на сайте А. Горяшко «Литорины на литорали» — https://www.littorina.info/solovki/estest/goryashko_zagadki_kota_murlyki (дата обращения: 20.08.2023).

³ Прежде всего, это документы в Центральном государственном историческом архиве СПб (ЦГИА СПб): Ф. 14, 139 (Оп. 4 и 1); в Российском государственном историческом архиве (РГИА): Ф. 733, 740 (Оп. 149 и 22); Петербургского филиала Архива Российской Академии наук (СПбФ АРАН): Ф. 9, 51 (Оп. 3 и 1); в Центральном государственном архиве г. Москвы (ЦГАМ): Ф. 418 (Оп. 15, 97). К сожалению, мне не пришлось поработать в Национальном архиве республики Татарстан — Ф. 977 (Казанский университет). В последнем архиве число документов касательно Н.П. Вагнера, вероятно, не слишком велико (личное сообщение А.И. Ермолаева, за что я выражаю коллеге мою благодарность).

найти какие-либо вагнеровские документы у потомков ученого (наследников двух старших сыновей Вагнера — Петра и Юлия), живущих/живших в России, принесли не много результатов⁴. Поскольку сын Николая Петровича — Юлий Вагнер (1865—1946?) эмигрировал в 1920 г. в Сербию (Фокин, 2015, 2017в, 2018; Fokin, 2009, 2022), а внучка ученого — Надежда Гогина⁵ с семьей эмигрировала в 1924/1925 гг. в Чехословакию (Фокин, 2012, 2017а), оставался шанс найти какие-то материалы из архива ученого за рубежом. Этот шанс мне удалось реализовать в конце 2008 г.: личный фонд Н.П. Вагнера оказался в собрании Архива Национального музея литературы (АНМЛ), Прага, Чехия. В действительности первыми архив Н.П. Вагнера, переданный Чехословацкому государству его правнучкой в 1949 г., «открыли» исследователи Ф.М. Достоевского (Kautman, 1962; Белов, 1969): ученый был знаком с писателем с 1875 г. и несколько писем Достоевского и его жены отложились в этом собрании.

Мне удалось поработать с документами личного фонда ученого зимой 2008 и осенью 2010 гг., когда документы еще не были систематизированы (Фокин, 2009, 2012, 2017а). Таким образом, цитаты из неопубликованных документов, находящихся в составе фонда⁶, тогда еще не имевших правильной архивной индексации, далее в данной работе приводятся только со пометкой «АНМЛ, фонд Н.П. Вагнера».

Роспись материалов Н.П. Вагнера, переданных в АНМЛ правнучкой героя — Тамарой Владимировной Мариновой (Тукалевской) в 1949 г., включает 1721 письмо и другие документы (всего 43 «дела»)⁷. В смысле биографики особенно важна находящаяся в архиве обширная семейная переписка, переписка Николая Петровича с близкими ему коллегами и друзьями, а также собственные воспоминания ученого. У меня было время просмотреть и сделать копии только с части этих документов — эту работу еще предстоит завершить. Тем не менее теперь, ориентируясь на документы пражского архива, есть возможность подготовить значительно расширенное и уточненное жизнеописание и самого Вагнера, и некоторых его ближайших потомков (трех сыновей, одной из дочерей, двух внуков, внучки и т. д.)⁸.

Понятно, что в рамках одной статьи, даже разделенной на две части, посвященной жизни и деятельности героя, детальная разработка любой из его жизненных ипостасей: научной, литературной и спиритической, не представляется возможной

⁴ Тем не менее я глубоко благодарен за помощь и ценные сведения о Н.П. Вагнере и его ближайших потомках: покойной Вере Николаевне Вагнер — правнучке ученого и Александре Юрьевне Заднепровской — праправнучке, соответственно, со стороны сыновей героя — Юлия и Петра.

⁵ Надежда Николаевна была дочерью старшей среди детей Н.П. и Е.А. Вагнеров — Екатерины (1860—193?), по мужу Гогиной. Н.Н. была замужем за В.Н. Тукалевским (1881—1936) — известным библиофилом и журналистом, в его киевскую бытность — студентом проф. Ю.Н. Вагнера — ее дяди.

⁶ Часть писем, составляющие большую часть собрания, при хорошей сохранности, написаны трудночитаемыми почерками, и их расшифровка потребует значительного времени.

⁷ Листы с перечислением «дел» в составе фонда Н.П. Вагнера и пояснительное письмо касательно истории передачи архива ученого в АНМЛ, посланное представителем музея в министерство образования и культуры Чехословакии от 07.12.1957 (Фокин, 2017а).

⁸ У четы Вагнеров родилось 3 сына и 3 дочери, еще одна дочь умерла в младенчестве. Недавно появилась публикация о судьбе младшей дочери Вагнеров — Надежды (Давыдова, 2022).

и необходимой. В настоящее время достаточно многочисленные литературоведческие, философские и религиозоведческие научные публикации, посвященные творчеству Вагнера — писателя и спирита, дают возможность осветить здесь эти стороны активности Николая Петровича в целом, не входя в детали, только с точки зрения вовлеченности Вагнера в эти далеко отстоящие и от науки, и друг от друга области творчества. Этому будет посвящена вторая часть настоящей статьи. Компромиссное решение, которому я буду следовать — упомянуть все вышеперечисленное в канве общей биографии героя, по возможности предоставляя ему самому слово — услышать «живой голос» человека, — основная стратегия моих исторических публикаций (Фокин, 2006а, 2007а, 2019, 2021б, Фокин, Захаров-Гезехус, 2019).

История семьи

Вагнер (Wagner — «каретник») — очень распространенная фамилия и в Германии, и в странах бывшей Австро-Венгрии, не очень редка она и в России, вобравшей в себя со времени Петра Великого немало иностранцев, обрусевших, но сохранивших родовую фамилию. Ориентируясь на интенсивность русско-немецких связей за этот период (XVIII—XIX вв.), можно, по-видимому, принять, что большинство отечественных Вагнеров имело именно немецкое происхождение. По крайней мере это справедливо в отношении семьи, представителю которой — Николаю Петровичу Вагнеру (Фокин, 2009, 2011б; Валиев, Заднепровская, 2015; Fokin, 2008), известному в свое время зоологу, литератору и приверженцу спиритизма, посвящена настоящая статья. К слову сказать, только в области науки и медицины во второй половине XIX в. в России жило и работало несколько Вагнеров, которые не были связаны родством. Среди них: Владимир Александрович Вагнер (1849—1934) — зоопсихолог; Егор Егорович Вагнер (1849—1903) — химик-органик, Иван Карлович Вагнер (1833—1891) — анатом; Конрад Эдуардович Вагнер (1862—1950) — врач-терапевт, и некоторые другие (Брокгауз, Эфрон, 1891).

Вагнеры, к которым принадлежал Николай Петрович, происходили, по-видимому, из саксонского католического рода, основание российской ветви которого положил Иоганн (Ян) Вагнер (1758—1818). Первоначально эта версия была озвучена в моей личной беседе с В.Н. Вагнер, с которой я встречался в 2002 г. в Москве. Уроженка Праги, Вера Николаевна, правнучка профессора Н.П. Вагнера, говорила о дворянстве Иоганна Вагнера, что документально не подтверждается. Он с семьей переселился в Волынскую губернию России в конце XVIII в. Возможно, однако, что эти Вагнеры жили на Волыни и прежде и просто оказались на территории России после второго раздела Польши (1793), т. е. появились в этом регионе еще в период Польско-литовской унии. Эта часть истории рода Н.П. Вагнера в России теперь частично имеет документальное подтверждение (Валиев, Заднепровская, 2015). Характерно, что разысканный исследователями документ (1818), собственноручно написанный Яном Вагнером, написан по-польски. Семья обосновалась в городке Пинске, где ее глава принял российское подданство (1811). Там И. Вагнер стал владельцем «вольной аптеки»⁹.

⁹ Вряд ли аптекарь в заштатном Пинске мог быть дворянином.

Литературовед С.Ю. Дудаков был уверен, не приводя никаких документальных доказательств, что род этих Вагнеров происходил от крещеных евреев елизаветинского времени, получивших потомственное дворянство уже в 1745 г. (Дудаков, 1993)¹⁰. Он ссылался только на книгу Голицына (1886), где написано следующее:

Одного из них [крещеных евреев. — *Прим. С.Ф.*] она [Елизавета Петровна. — *Прим. С.Ф.*] даже возвела в потомственное российское дворянство, вероятно, впрочем, не без влияния всесильного тогда графа Алексея Кирилловича Разумовского. При нем состоял в роде управителя некто еврей Вагнер, перешедший в христианство, с именем Василия Алексеевича. <...> 19 марта 1745 года он был возведен Императрицей, по именному указу, данному Сенату, вместе с детьми своими, в потомственное дворянское достоинство. <...> Впоследствии он состоял генерал-адъютантом при графе Разумовском (Голицын, 1886, с. 51).

Таким образом, очевидно, что упомянутый в книге Н.Н. Голицына Вагнер не имел никакого отношения к семье героя этой статьи.

Старший сын Иоганна — Петр Иванович Вагнер (1799–1876) вырос и получил образование уже в России. После окончания Пинского уездного училища в 1812 г. Петр поступил учеником фармацевта в аптеку своего отца, где провел 6 лет. В 1819 г. молодой Вагнер, выбрав медицину как будущую профессию, поступил на медицинский факультет Дерптского университета, а через год перевелся в Виленский университет, который успешно окончил в 1826 г. со званием лекаря первого разряда (Валиев, Заднепровская, 2015; Фокин, 2021a)¹¹ (рис. 1).

Рис. 1. П.И. Вагнер, 1870-е гг. Москва. Архив семьи Семеновых-ТяньШанских. СПб.

Fig. 1. P.I. Wagner. Moscow, 1870s. Archive of the Semenov-Tianshansky family, St. Petersburg

¹⁰ Эта явная ошибка до сих пор воспроизводилась в ряде даже недавних публикаций, например: Беньковская, 2020. П.И. Вагнер и его дети Николай и Михаил получили потомственное дворянство и были внесены в 3-ю часть дворянской родословной книги Казанской губернии в 1849 г.

¹¹ Некоторые данные о прямых родственниках Н.П. Вагнера также содержатся в материалах, собранных его правнучкой Татьяной Николаевной Вагнер (Заднепровской) (архив семьи А.Ю. Заднепровской).

Его старший сын Николай, герой этой статьи, так вспоминал обстоятельства, по которым Петр Иванович оказался на Урале, где родились все его дети:

В Виленском университете он занимал место прозектора при знаменитом Пеликане¹². В 1828 г., когда правительство вызвало из всех университетов медиков, желающих служить на Уральских горных заводах, то отец согласился на это. Что заставило его бросить родину, семейные, национальные привязанности и, не зная языка¹³, отправиться на далекий Север, почти за 2 000 верст от его родных пинских болот — этого я не могу объяснить, но думаю, что здесь замешались какие-то политические обстоятельства (Фокин, 2021а, с. 98).

В том же году П.И. Вагнер был определен врачом на казенный Богословский завод¹⁴. Прослужив там три года, Вагнер был переведен на место окружного доктора Верхисетских (Верх-Исетских) заводов Яковлева¹⁵. Главный госпиталь округа располагался близ Екатеринбурга, там доктор служил до 1840 г. В 1831 г. в альма-матер П.И. Вагнер получил степень доктора медицины за исследование по результатам его трехлетней работы на Урале: «Медико-топографическое описание Богословского завода».

Сразу после появления Вагнера в Богословском заводе он познакомился с Ольгой Андреевной Грубер (Кондыревой)¹⁶, на которой вскоре женился. Со временем у супругов образовалась большая семья: четверо совместных детей — Николай, Михаил, Юлия и Евгения, и две дочери О.А. Грубер от первого брака с профессором П.С. Кондыревым — Поликсена и Александра.

Детство на Урале

В младенческом возрасте Н.П. Вагнер, родившийся в Богословском заводе 18 июня 1829 г.¹⁷, был перевезен оттуда в Екатеринбург, где прожил около 10 лет и получил начальное образование в уездном училище. В 1840 г. семья переехала в Казань (Вагнер, 1892; Фокин, 2017а, 2021а) (рис. 2).

Позднее Николай Петрович писал (Фокин, 2017а, с. 34–35):

---

¹² Пеликан Вацлав (Венцеслав) (1790–1873) — польский медик, хирург, выпускник Императорской Медико-хирургической академии (1813), ректор Виленского университета (с 1824 г. до его закрытия в 1832 г.), директор медицинского департамента военного министерства России, действительный тайный советник (1870).

¹³ Очевидно, в семейном кругу П.И. Вагнера, равно как и в университетах, где он учился, разговорным языком был польский и немецкий.

¹⁴ Современный г. Карпинск.

¹⁵ Верх-Исетский железоделательный завод был основан в 1726 г. в двух верстах от Екатеринбурга выше по течению Исети.

¹⁶ Грубер Ольга Андреевна (Кондырева, Вагнер) (1799?–1885) — дочь геолога, маркшейдера А.Е. Грубера, в тот момент вдова Петра Сергеевича Кондырева (1789–1824?) — проф. Казанского университета, статистика и историка. Иногда фамилия писалась как Груббер.

¹⁷ Даты до 1918 г. приведены по старому стилю.

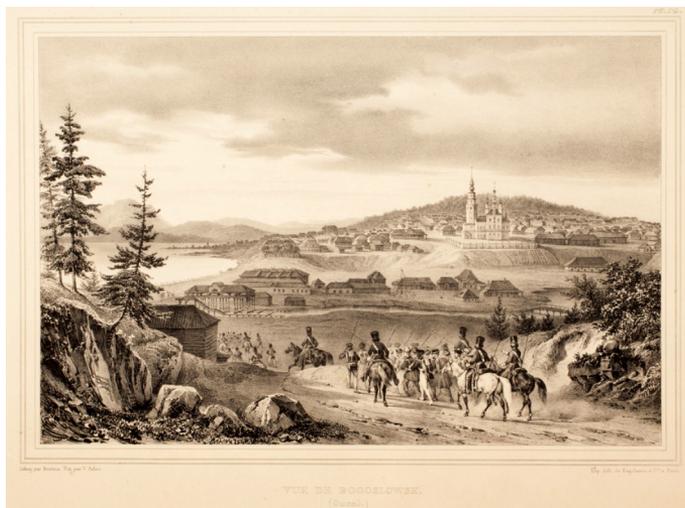

Рис. 2. Вид Богословского завода. 1828.

Из книги: А. Ya. Kupfer *Voyage dans l'Oural entrepris en 1828*. Paris. 1833

Fig. 2. View of Bogoslovsky Plant. 1828.

From: A. Ya. Kupfer “*Voyage dans l'Oural entrepris en 1828*”

Богословский завод на Северном Урале... Представьте себе равнину, окруженную невысокими горами, широкий пруд, на берегу которого расположены здания завода, каменную церковь с высокой спицеобразной колокольней, большой каменный дом на пригорке, в котором живет управляющий заводом, при нем большой сад и затем несколько улиц с довольно правильно расположенными деревянными домами с высокими крышами, которых теперь уже не встретишь. В дополнение этой картины должно прибавить на горизонте несколько отдельных, высоких гор Северного Урала и между ними всех выше выдающийся Денежкин камень. Таков в общих чертах был Богословский завод¹⁸. Моя мать приехала в Богословск из Казани вместе со своим братом Всеволодом Андреевичем¹⁹. Она приехала вдовой с двумя маленькими девочками — ее дочерьми. В Богословске моя мать вторично вышла замуж за отца моего, который был в то время доктором Богословского округа. Там отца моего все любили за его добрый открытый характер и за его всегдашнюю готовность помочь всякому нуждающемуся. Хотя я родился в этом заводе в 1829 году, но мне не было еще и года, когда меня увезли из него в Екатеринбург. Сшили мешок из пушистой сибирской лисы, опустили меня в этот мешочек и в нем перевезли на 1000 верстное расстояние²⁰.

Далее Вагнер вспоминал и переезд в Казань:

¹⁸ Очевидно, это описание в большей степени относится к воспоминанию о поездке в Богословский завод, которую Вагнер предпринял в июне 1857 г.

¹⁹ В.А. Грубер работал на Богословском руднике маркшейдером.

²⁰ На современных картах расстояние между Карпинском и Екатеринбургом около 400 км.

Мне было 9 лет, когда мой отец, доктор, заведовавший несколькими госпиталями, был переведен в Казань²¹. Мы переезжали летом. Смутно помню сборы: было уж 12 часов ночи, когда, наконец, вся отъезжающая компания — отец, мать, две сестры, брат, две падчерицы, старая нянька, вынянчившая всех нас, вышли на двор, где стояли два огромных сибирских тарантаса с фордеками, из которых в каждом было запряжено по четверке лошадей. Нас провожала целая толпа друзей и добрых знакомых моего отца.

О детских годах героя известно только из его собственных воспоминаний (Вагнер, 1892) и маленькой части автобиографических записок, которая приведена выше. От няни Натальи Степановны Аксеновой в раннем детстве Н.П. Вагнер слышал много народных сказок, старинных песен и баллад. Из книг на 6–7-летнего ребенка произвела сильное впечатление сказка Ершова «Конек-горбунок»:

Прежде всего и более всего сказка мне нравилась своей стихотворной легкой, ритмической формой. Она без труда укладывалась в моем мозгу, в моей памяти. Многое я в ней не понимал, хотя и знал наизусть. Окружающие меня дивились моей памяти <...>. Следовательно, первое впечатление, которое вызвало во мне литературное произведение, было вызвано его формой — ритмической гармонией слова (Вагнер, 1892, с. 26–27).

Внимание ребенка привлекала также популярная детская энциклопедическая литература по естественной истории. Его занимали коротенькие биографии римских императоров и полководцев, причем наиболее сильное впечатление на него производили их иллюстрации. В десять лет ему уже нравились баллады Жуковского и поэмы Пушкина.

Несомненно, следует отметить тягу мальчика к изобразительному искусству. В той же автобиографической статье Вагнер вспоминал:

Восьмилетний мальчик, я уже ясно сознавал разницу между художественно исполненной картинкой и плохой, лубочной литографией. Мне нравились не раскрашенные дешевые литографии, а художественно исполненные гравюры <...>. Один раз отец получил, вероятно, в виде приложения к какому-нибудь журналу, пробный лист Дон-Кихота с роскошными полтипажами. Этот лист был отдан мне. Я несколько раз прочел его и любовался полтипажами, я даже лег спать с ним и на другой день счел первым долгом снова заняться им, забыв о французских «разговорах», которые неизменно угрожали мне каждый день (Вагнер, 1892, с. 29–30).

Казанская юность

Уже сразу после получения степени доктора медицины П.И. Вагнер стал предпринимать попытки найти работу в Казани. Дважды, в 1832 и 1838 гг. он, правда безуспешно, выступал кандидатом на заведование кафедрой хирургии Императорского

---

²¹ Вероятно, ошибка мемуариста — к моменту переезда в Казань Николаю Вагнеру было 11 лет. В других своих воспоминаниях (Вагнер, 1892) он писал: «На двенадцатом году меня перевезли из Екатеринбургa в Казань».

Казанского университета (ИКУ)²². Интересно, что оба раза отрицательный отзыв на кандидатуру Вагнера был получен от медика по первому образованию и профессора-зоолога ИКУ с 1828 г. Э.А. Эверсмана²³. Неожиданно положительную роль в трудоустройстве Петра Ивановича в европейской России сыграло его увлечение минералогией — одновременно с врачебной и административной практикой Вагнер занимался составлением коллекции уральских минералов. Среди прочего он «открыл» новый минерал, который, не без задней мысли, назвал в честь попечителя казанского учебного округа Мусина-Пушкина — пушкинитом²⁴. После визита попечителя в Екатеринбург и встречи его с П.И. Вагнером в 1840 г. последний был назначен без избрания экстраординарным профессором на кафедру минералогии и геогнозии (далее — геологии). По сведениям Н.П. Загоскина, «других достойных кандидатов не было». Историк специально добавил, что «этому немало способствовало, сделанное Вагнером описание минерала, названного в честь попечителя округа» (Загоскин, 1900, с. 70). Визит Мусина-Пушкина к П.И. Вагнеру был кратко описан в воспоминаниях Николая Петровича (Фокин, 2021а). В частности, там мемуарист писал:

Оставляя место Верхисетских заводов, отец мой, однако, не вдруг занял предложенную кафедру [в ИКУ. — *Прим. С.Ф.*]. Он был доктором медицины, а кафедра требовала специальных познаний по геологии и минералогии. Естественно, что совет Казанского Университета искал в этом случае гарантий, и мой отец должен был представить для занятия кафедры изложение краткого курса тех предметов, которые должен был он преподавать (Фокин, 2021а, с. 98)²⁵.

Свое богатое собрание минералов П.И. Вагнер продал ИКУ за 5 000 руб. ассигнациями и на его базе устроил в университете минералогический кабинет.

После переезда семьи в Казань Николай Петрович воспитывался в пансионе М.Н. Львова, а среднее образование получил (с пятого класса) во второй Казанской гимназии, которую окончил в 1845 г. Пансион М.Н. Львова, директора 1-й Казанской гимназии, был, по-видимому, одним из лучших в Казани. Николай Петрович вспоминал:

Литературная среда приблизилась и окружила меня. В пансионе получались все русские журналы и книги, которые выписывались для гимназии. Я сам начал писать стихи, и это совершилось вполне неожиданно для меня — экспромтом. Помню, раз ночью мне по обыкно-

²² Сведения, что в эти же годы он пытался устроиться в Виленском университете — ложны, в мае 1832 г. университет в Вильно (Вильнюсе) был уже упразднен.

²³ Эверсман Эдуард Александрович (1794–1860) — немец, уроженец Вестфалии, выпускник Дерптского университета (1816), доктор медицины и акушерства (1816), с 1818 г. на русской службе (Златоустовский оружейный завод). Участник русского посольства в Бухару (1820), зоолог-любитель. С 1828 г. проф. зоологии в Казанском университете, действительный статский советник (1851); формальный учитель Н.П. Вагнера в ИКУ.

²⁴ Мусин-Пушкин Михаил Николаевич (1795–1862) — участник Отечественной войны 1812 г., вышел в отставку (1821) полковником; был попечителем Казанского учебного округа (1827–1845), сенатор (1849). Открытый Вагнером минерал оказался прозрачной бутылочно-зеленой разновидностью эпидота (сложного силиката кальция).

²⁵ В результате П.И. Вагнер читал в университете курсы геологии, минералогии, а потом стал преподавать и сравнительную анатомию, а также физиологию животных (Фокин, 2021а).

вению не спалось и в уме складывалось что-то вроде песни или рапсодии, весьма жалобной. <...> В тот год, в который я поступил в пансион, вышел 2-й том «Ста русских литераторов», и я помню, на меня производили сильное впечатление некоторые вещи, помещенные в нем <...>. В пансионе я начал издавать свой журнал, разумеется, рукописный, в виде тоненьких маленьких тетрадок, которые были подражанием «Отечественным запискам». В лице своем я соединял редактора, издателя и всех сотрудников. <...> Вспоминая теперь эти первые, можно сказать, детские впечатления моей литературной жизни, я должен сказать, что ничто на меня не действовало так сильно в ту пору, как картинность, образность и эффект вымысла или изложения. <...> Я помню также, что в 14 лет я собирал моих братьев²⁶, сестер и чужих детей, усаживал их в зале и целые часы рассказывал им экспромтом какую-нибудь бесконечную сказку, в которой не было ничего, кроме фантазии (Вагнер, 1892, с. 31, 32).

Характерно, что в эти годы, согласно мемуаристу, интерес к естествознанию еще «дремал» в душе Вагнера-подростка. Этот интерес в полной мере прорезался только к концу гимназии и начал выражаться в достаточно распространенном у детей собирательстве коллекций насекомых:

В последнем классе гимназии меня начала увлекать одна страсть, — вспоминал через много лет ученый, — которая вскоре поглотила меня всецело и крепко держала в своих когтях почти целых десять лет. Я говорю о страсти к энтомологии или, вернее, к собиранию насекомых и составлению из них коллекций. Понятно, что все другие привязанности отошли на второй план... (Вагнер, 1892, с. 33).

Свой внешний вид в то время Вагнер сам описал позднее в воспоминаниях о ближайшем друге еще с первого курса университета, выдающемся химике-органике академике А.М. Бутлерове (Вагнер, 1889, с. V):

Мой рост в первом курсе был таков, что во всех лавках не могли найти шпаги настоль короткой, чтобы она не заходила ниже моей щиколотки и принуждены были обрезать почти на вершок самую короткую шпагу, какую только нашли в гостинном дворе²⁷. Мой портрет составлял резкий контраст с портретами обоих [Бутлерова и Пятницкого — друзей Вагнера. — *Прим. С.Ф.*]. В нем не было ничего красивого — это был портрет юноши, почти ребенка, с довольно большими зелено-серыми глазами, с непокорными волосами, которые постоянно торчали вихрами и с большими, выдававшимися, как бы оттопыренными губами. Если нас связывала общая симпатия, то она никак не вытекала из моей несимпатичной наружности (рис. 3).

²⁶ Неясно, кого имел в виду мемуарист, — у него был единственный родной младший брат Михаил (1834 — после 1883), который, в отличие от Николая, дослужился только до помощника инспектора ИСПБУ, имел чин коллежского асессора и уже в 1883 г. вышел на пенсию как «одержимый тяжкой, неизлечимой болезнью» (Протоколы, 1884, с. 4); возможно, речь шла также и о двоюродном брате.

²⁷ В то время студентам в университете нужно было иметь парадный мундир со шпагой.

Рис. 3. Н.П. Вагнер. СПб., 1849? Архив Музея национальной литературы, Прага (Чехия)
Fig. 3. N.P. Wagner. St. Petersburg, 1849? Archive of the Museum of National Literature, Prague
(Czech Republic). N.P. Wagner's fonds

Зоология — первая любовь

Императорский Казанский университет был основан в 1804 г. и к моменту поступления туда Н.П. Вагнера в 1845 г. «на разряд естественных наук» имел уже определенные традиции²⁸, но как раз не в области естествознания. Николай, конечно, через отца²⁹ был достаточно хорошо знаком с университетской жизнью, а очевидно, и с некоторыми университетскими профессорами.

Профессором зоологии на естественном отделении философского факультета³⁰ был тогда уже достаточно пожилой Э.А. Эверсман (рис. 4).

²⁸ Среди русских университетов (Виленский и Дерптский — в 1803 г. не были, по сути, русскими) ИКУ один из старейших — второй/третий после Императорского Московского (ИМУ) — 1755 г. (Харьковский был также открыт в 1804 г.), но в то время, именно по части биологии, имел весьма неровный преподавательский состав.

²⁹ П.И. Вагнер был в ИКУ ординарным профессором минералогии и геогнозии (1840—1865) и сравнительной анатомии (1843—1860); стал заслуженным профессором перед выходом в отставку (1865), после чего жил в Москве.

³⁰ С 1835 по 1863 г., как во многих университетах России, биологические дисциплины преподавались в ИКУ на философском факультете. В некоторых документах Вагнера, однако, уже в первой четверти 1850-х гг. говорится о физико-математическом факультете.

Рис. 4. Проф. Э.А. Эверсман. Казань, первая половина 1850-х гг. Автор рисунка не известен. Фонд Зоологического музея и Гербария им. Э.А. Эверсмана. Казанский университет

Fig. 4. Prof. E.A. Eversman. Kazan, first half of 1850s. Sketch made by unknown artist. The fonds of E.A. Eversman Zoological Museum and Herbarium, Kazan University

Формально его следовало бы считать учителем Н.П. Вагнера, тем более что основной областью его научных интересов была как раз энтомология. Фактически, однако, вряд ли Эдуард Александрович мог что-либо дать студентам как преподаватель, по крайней мере, научной зоологической школы в ее классическом понимании в Казани тогда еще не было. Вспоминая свою альма-матер, Вагнер писал:

Из всех этих профессоров, наиболее формальным отношением к преподаванию отличался профессор зоологии Э.А. Эверсман, это был ученый, преимущественно энтомолог, известный в Западной Европе <...>. Он приезжал на лекцию неизменно <...>, спустя полчаса от начала лекции и каждую лекцию буквально читал монотонным усталым голосом, тихо и вяло, постоянно останавливаясь и втягивая в себя воздух. В высших курсах, т. е. во втором, третьем и четверном он проходил в три года всю зоологию, немало не заботясь, с чего начинал и чем кончал каждый курс. Он читал его по книге, которую подмышкой приносил с собой³¹. Это был учебник 1836 г. Вильмана и Рутэ. <...> Отступления от этого процесса составляли только некоторые из русских животных, краткие описания которых (диагнозы) читались по Палласу (*Zoologia Asiatica*). Таким образом, преподавание зоологии продолжалось неизменно до 1860 г., т. е. до самой смерти профессора. К ученой деятельности Эверсман относился совершенно иначе, там он был неутомимый, известный целой Германии, исследователь восточной фауны России (Фокин, 2021а, с. 100–101, 102, 103).

В других опубликованных им воспоминаниях Николай Петрович добавил:

³¹ Специальных отечественных учебников по зоологии тогда фактически не было, и студенты сдавали экзамены по своим записям лекций профессора.

Я будучи гимназистом составил себе уже небольшую коллекцию жуков. В первом курсе эта коллекция была мною определена по коллекции профессора Эверсмана³², и тогда явился необыкновенный интерес к собиранию всего, чего не было в этой крохотной коллекции. Все было ново и неизвестно; все отыскивалось и собиралось с жадностью, с увлечением (Вагнер, 1889, с. VII).

Конечно, никаких учебных демонстраций (при изучении беспозвоночных животных) и настоящих практических занятий в университете не было³³, хотя там уже имелся достаточно богатый музей птиц и зверей. Студенты были предоставлены сами себе. В этом смысле надо признать, что Вагнер в университете не утратил интереса к науке, и именно беспозвоночные, в первую очередь — насекомые, на многие года сделались основными объектами его исследований. Однако отсутствие реальных навыков морфологической и особенно экспериментальной работы, которых он не получил в университете, позже постоянно сказывалось.

Это было время, которое позднее назовут Николаевской Россией — социально-политические потрясения были впереди:

В слове «студенчество» было тогда что-то соединяющее и священное, что-то обаятельное и обязывающее. Политика не входила в программу нашей жизни разъединяющим элементом <...>. Мы все были патриоты и безусловные монархисты, и никакие сомнения и вопросы нас не тревожили. <...> Детская резвость, увлечение шалостями, остроумными шутками — вот черты, которые отличали нашу студенческую юность (Вагнер, 1889, с. VI, XIV).

Тем не менее уже в 1848 г. Вагнер опубликовал свою первую научно-популярную статью³⁴, а на четвертом, последнем курсе (1849) получил золотую медаль за конкурсное сочинение «О лучших характеристических признаках для классификации насекомых».

Профессор Казанского университета

Окончив курс университета кандидатом в 20 лет, Николай Вагнер не смог остаться в ИКУ и вынужден был искать места вне Казани. Ни в его опубликованных воспоминаниях, ни в документах, которые мне оказались доступны в России и Чехии, нет описания, как он нашел место преподавателя естественной истории и сельского хозяйства в Нижегородском дворянском институте³⁵. Институт находился в то время в ведомстве попечителя Казанского учебного округа, так что можно думать, что Вагнер получил это место по протекции. Впрочем, уже в 1851 г. он

---

³² То есть самостоятельно определять материал студент не умел, да и никаких отечественных определителей в то время не было.

³³ При профессоре в то время в университетах не было ни ассистента, ни доцента.

³⁴ Короткая заметка Вагнера под названием «Нравы насекомых» была помещена в журнале «Иллюстрация» за май 1848 г.

³⁵ Среднее учебное заведение для детей потомственных и личных дворян. Основано в 1844 г. с учебной программой, близкой к классической гимназии. В некоторых источниках указывается, что Вагнер занимал место старшего преподавателя.

вернулся в ИКУ, чтобы защитить там, после сдачи специального экзамена, магистерскую диссертацию «О чернотелках, водящихся в России»³⁶. Вероятно, время, проведенное в Нижнем Новгороде, ученый тратил не только и не столько на преподавание, сколько на сбор и обработку материалов для магистерской диссертации³⁷, хотя понятно, что указание в названии «общероссийской фауны» этих жуков не соответствовало реальному объему материала в работе³⁸. В 1852 г. ученый получил место адъюнкта на медицинском факультете ИКУ для преподавания зоологии и ботаники и вернулся в альма-матер, где работал в этом качестве до 1858 г. (АНМЛ, фонд Н.П. Вагнера). Через год, перед Рождеством 1853 г., он уже отправился в Москву сдавать докторский экзамен. Правда, некоторые административные неувязки отодвинули срок экзамена почти на год³⁹. 3 февраля 1854 г. ректор ИКУ писал в Москву:

Господину Ректору Императорского Московского Университета. Г. исполняющий обязанности адъюнкта Казанского Университета Николай Вагнер, находящийся в отпуску по делам своим в Москве, встретил надобность в дипломе своем на степень Магистра Зоологии <...>, я имею честь препроводить при сем Вашему Превосходительству означенный диплом и покорнейше прошу, по миновании надобности его возвратить⁴⁰.

Защита состоялась 25 января 1855 г., и Вагнер стал одним из самых молодых докторов наук — биологов России. Полученный им диплом гласил:

Магистр Зоологии Николай Вагнер, по надлежащему испытанию в Физико-математическом факультете и после публичного защищения написанной им диссертации «Общий взгляд на класс животных паукообразных и частное описание одной из форм, к нему принадлежащих»⁴¹, удостоен Советом Университета и утвержден г. Министром Народного Просвещения от 25-го минувшего января за № 146, в степени Доктора Естественных Наук. Дан в Москве 18-го февраля 1855 года.

Ученому еще не исполнилось 26 лет⁴². Несомненно, этот факт говорит о незаурядных способностях Николая Петровича как ученого.

Помимо общего анализа паукообразных Вагнер в эти годы был увлечен изучением анатомии и биологии скорпионов (один из видов которых был подробно охарактеризован в его докторской диссертации, но, очевидно, неверно определен),

³⁶ Согласно магистерскому диплому «Николая Петрова сына Вагнера» от 17 июня 1851 г., защита прошла 11 марта «с совершенным успехом» (ЦГАМ, Ф. 418. Оп. 97. Д. 3).

³⁷ По уставу института научная деятельность преподавателей поощрялась.

³⁸ Обычно на подготовку магистерской работы у молодых ученых уходило не меньше 3–5 лет (часто больше). Вагнер подготовил свою диссертацию за неполных 2 года.

³⁹ Письменное испытание Н. Вагнера на степень доктора естественных наук состоялось только в ноябре 1854 г.

⁴⁰ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 97. Д. 3.

⁴¹ Паукообразные, или арахниды (лат. *Arachnida*), — класс членистоногих из подтипа хелицерных (*Chelicerata*), типа *Arthropoda* (по современной зоологической классификации).

⁴² С современной точки зрения уровень работы вряд мог бы считаться высоким, но это было совсем иное время.

тарантулов (пауков-волков) и пчел⁴³, при этом он увлек последним объектом своего друга А.М. Бутлерова, который помимо химии оставил след и в пчеловодстве (Вагнер, 1889).

Докторская степень, безусловно, открывала ученому дорогу к занятию профессорской должности — в некоторых русских университетах для этого было даже достаточно магистерской степени. Хотя Эверсман был в преклонном возрасте и, как упоминалось выше, не блистал в качестве преподавателя, в 1851 г. он получил чин действительного статского советника и, несмотря на выслугу лет, был оставлен профессором ИКУ⁴⁴. Вакансий в других университетах также не было, хотя в это время Вагнер уже страстно хотел работать в одной из столиц. Тем не менее до 1870 г. активные поиски места в Петербурге⁴⁵ и Москве результата не имели.

Один, казалось бы, очевидный шанс образовался, когда в Москве 10 апреля 1858 г. внезапно умер профессор-зоолог ИМУ К.Ф. Рулье⁴⁶. В конкурсе на вакантное место, где помимо Вагнера участвовали Н.Н. Страхов (1828–1896) и А.П. Богданов, «победил» последний, хотя он был, в отличие от Николая Петровича, только магистром зоологии⁴⁷. Эта неудача, по-видимому, отвратила Вагнера от официальной университетской карьеры, и он вышел в ИКУ в отставку. Находясь в отставке почти два года, в 1859 г. Вагнер работал у профессора Р. Лейкарта (1822–1898) в Гиссене (Германия) по паразитологии, а в России редактировал журнал Московского общества сельского хозяйства. Как он сам отзывался об этом времени — «блуждал окольными путями».

Возвращение Николая Петровича к академической карьере было связано в том числе и с его женитьбой в Москве на Екатерине Александровне Худяковой (1840 — около 1917) в самом конце 1859 г. Избранницей ученого стала молодая девица, возможно, недавняя гимназистка из Петербурга, для которой любимый муж всю жизнь был авторитетом⁴⁸. Как и где они познакомились, неизвестно — в Москве у Вагнера были и родственники, и много знакомых. Очевидно, это был брак по любви (красотой избранница не отличалась)⁴⁹ (рис. 5).

⁴³ То есть не выходил в своих исследованиях за пределы наземных членистоногих (*Arthropoda*).

⁴⁴ Место профессора зоологии в ИКУ освободилось только с его смертью 14 апреля 1860 г.

⁴⁵ Поиски места в Петербурге были начаты Вагнером сразу после получения магистерской степени, но в 1851 г. они оказались безуспешными.

⁴⁶ Рулье Карл Федорович (1814–1858) — зоолог, палеонтолог, один из первых отечественных эволюционистов и экологов, по образованию медик — окончил Московскую медико-хирургическую академию (1833).

⁴⁷ Богданов Анатолий Петрович (1834–1896) — зоолог, антрополог, проф. ИМУ, чл.-корр. ИСПб Академии наук. Ученик Рулье, имевший в Москве сильных покровителей; далее он сам стал влиятельной фигурой в министерских кругах — практически все его ученики стали профессорами в различных университетах России. Н.Н. Страхов тогда не имел даже степени магистра, и его участие в конкурсе было заранее обречено на неуспех.

⁴⁸ У Вагнеров в Казани родилось 5 детей: Екатерина (1860), Петр (1862), Ольга (1863), Юлий (1865) и Владимир (1867). Дочь Надежда родилась в 1876 г. в СПб.; дочь Людмила (1877?) умерла в младенчестве.

⁴⁹ Поскольку Вагнер нередко уезжал, они с женой активно переписывались. Е.А. всегда любовно обращалась в письмах к мужу, но часто необычно — в женском роде: «милая моя голубка», «родная моя Коля», «родной мой друга» или «милый мой Колонюшка» и т. д.

Рис. 5. Е.А. Вагнер. С-Петербург, начало 1870-х гг. Архив Музея национальной литературы, Прага (Чехия). Фонд Н.П. Вагнера

Fig. 5. E.A. Wagner. St. Petersburg, first half of 1870s. Archive of the Museum of National Literature, Prague (Czech Republic). N.P. Wagner's fonds

В ответ на предложение руки и сердца Екатерина писала Николаю Петровичу еще в ноябре 1859 г.: «Вы спрашиваете, свободна ли я и согласна ли на Ваше предложение. Прежде ответа должна Вам сказать, что у меня нет решительно ничего, и я принуждена жить в чужом доме. Вы пишете, что составите мое счастье. Верю Вашему обещанию, я согласна» (АНМЛ, фонд Н.П. Вагнера).

Сразу после свадьбы ученый снова вернулся в ИКУ, где был назначен адъюнктом по кафедре сравнительной анатомии и физиологии Казанского университета с чтением лекций по зоологии. В том же году Вагнер был там избран экстраординарным профессором зоологии⁵⁰. Началось десятилетнее профессорство Николая Петровича в Казани.

В 1862 г. Вагнер стал в Казани ординарным профессором. Помимо лекций по зоологии он читал один год (1866) и курс ботаники⁵¹. Три года (1861–1864) профессор был редактором «Ученых записок Казанского университета». Лекционная работа Н.П. Вагнера уже тогда оценивалась коллегами по-разному. Ученый вспоминал:

Я обязан А.М. Бутлерову тем, что он первый нашел во мне и оценил способности преподавателя (вступительная лекция). Я читал, как и всегда, насколько умел, просто и ясно. «Знаешь ли Николай? Из тебя выработается замечательный преподаватель. Это я смело пророчу» [дело происходило в 1860 г. — *Прим. С.Ф.*]. <...> В 1860 г. наступил период самого сильного брожения университетских партий <...>. Молодые преподаватели рас-

⁵⁰ Не исключено, что быстрое получение должности экстраординарного и ординарного профессора после возвращения Вагнера в ИКУ было связано и с тем, что ближайший друг Н.П. Вагнера — А.М. Бутлеров был в 1860–1863 гг. ректором университета.

⁵¹ Ботанические лекции были для Вагнера не в новинку — в бытность адъюнктом ИКУ (1852–1858) они входили в круг его прямых преподавательских обязанностей.

пространяли пасквили на старых профессоров⁵² <...>. В одной из таких публикаций я был причислен, как преподаватель, к сонму «университетских бездарностей» (Вагнер, 1889, с. XXXIV).

Трудно сказать, какова была реальная ситуация в то время, но все поздние отзывы о лекторских способностях Вагнера (уже петербургского периода 1880-х гг.) были достаточно негативными (Филипченко, 2011; Фокин, 2021б).

В 1861 г. профессор снова задумался о возможности обосноваться в столице — 25 апреля там умер известный профессор зоологии Императорского Санкт-Петербургского университета (ИСПБУ) Степан Семенович Куторга (1805–1861). В связи с этим событием Николай Петрович писал в Петербург своему коллеге К.Н. Бестужеву-Рюмину (1829–1897):

Я опять к Вам с просьбой, добрейший Константин Николаевич. Не браните, пожалуйста, а выслушайте, дело для меня серьезное. Между Вашими знакомыми, вероятно, найдутся профессора Университета; не можете ли Вы узнать от них, в каком положении дело о замещении кафедры Куторги, т. е. будет ли объявлен конкурс или есть кандидаты и кто такие оные кандидаты. У меня, видите ли, явилась дерзкая мысль, что и я могу быть конкурентом на эту кафедру и что Петербургский университет не распорядится с моею личностью так бесцеремонно, как Московский. Что меня гонит из Казани в Петербург, Вы догадаетесь и без моего объявления, если мысленно сравните Казань и Петербург и припомните, что ...рыба ищет, где глубже и пр...⁵³

Однако узнав, что конкурентами его на выборах в ИСПБУ будут прямой ученик Куторги профессор К.Ф. Кесслер (1815–1881) и академик Ф.Ф. Брандт (1802–1879), Вагнер отказался от этой идеи⁵⁴.

Параллельно с преподаванием Николай Петрович активно занимался научной работой. В большой степени она проходила вначале в области энтомологии. Собственно, первой научной работой (после конкурсного сочинения 1849 г.) можно считать магистерскую диссертацию ученого, но круг объектов его исследований постоянно расширялся. За работу «Самопроизвольное размножение гусениц насекомых» (Вагнер, 1862), где впервые было описано явление педогенеза — личиночного (девственного) размножения у некоторых двукрылых насекомых⁵⁵, ученый был удостоен Демидовской премии Академии наук (1863). Это был феномен, открытие

⁵² Вагнеру был тогда всего 31 год, и его, конечно, нельзя было считать «старым профессором».

⁵³ Письмо от 19.05.1861. Рукописный архив Института русской литературы (РА ИРЛИ) Д. 24706. Л. 3–4.

⁵⁴ В результате руководителем кафедры зоологии в ИСПБУ был выбран Карл Федорович Кесслер — выпускник (1838), магистр (1840) и доктор зоологии (1842) ИСПБУ, ординарный проф. Киевского ун-та (1845), ректор ИСПБУ (1867–1873), президент СПб Общества естествоиспытателей (СПБОЕ) — 1868–1881; зоолог, специалист прежде всего по позвоночным животным; чл.-корр. ИСПбАН (1874). Он сыграл главную роль в переводе Н.П. Вагнера из Казани в Петербург в 1870 г.

⁵⁵ Вагнер даже не определил род и вид «комарика», на котором была сделана работа. Считается, что это, вероятно, был представитель рода *Meastor* из галлиц (Cecidomyiidae) (Письма..., 1955).

которого существенно изменило представления тогдашних зоологов о биологии и жизненных циклах беспозвоночных. Факт казался настолько удивительным, что некоторое время данные Вагнера журналы отказывались публиковать, считая их артефактом⁵⁶. В.М. Шимкевич⁵⁷, хорошо знавший эту историю, писал:

Девственное размножение вообще тогда было известно с полной достоверностью, но размножение личинок казалось настолько невероятным, что, как говорят, Зибольд, основатель и редактор известного журнала "Zeitschrift für Zoologie" долгое время колебался, не решаясь печатать присланную ему Н.П. Вагнером, статью (Шимкевич, 1908, с. 3) (рис. 6).

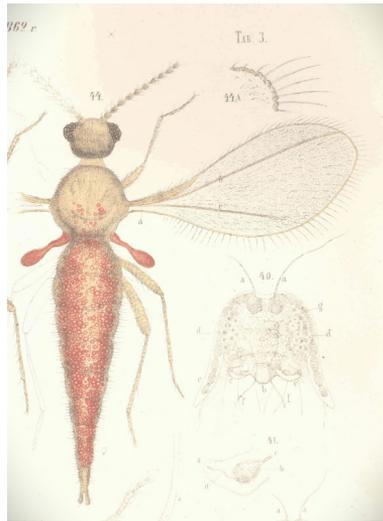

Рис. 6. Объект работы Вагнера (1862) — *Measter*. Рисунок Н.П. Вагнера
Fig. 6. The object of Wagner's study, 1862 — *Measter*. Drawing by N.P. Wagner

Вагнер работал в 1860-е гг. уже в различных областях как зоологии беспозвоночных, так и энтомологии, физиологии, эмбриологии и паразитологии. Одним из первых ученых начал в 1860-е гг. экспериментальные исследования в энтомологии. В 1864 г. Вагнер представил в Парижскую академию наук свою работу, где исследовал отложение пигментов под влиянием электрических токов в крыльях бабочки и влияние этих токов на форму крыльев у этих насекомых. Вагнеру удалось показать, что в крыльях бабочек существуют свободные электрические токи, идущие от основания крыла к его концу. Под влиянием этих токов, как предполагал Николай Петрович, откладываются пигменты, определяющие окраску и рисунок крыльев

⁵⁶ Потом (после двух публикаций в России) статья появилась сразу в двух западных журналах, т. е. была опубликована четырежды! В то время не было строгих правил о научных публикациях.

⁵⁷ Шимкевич Владимир Михайлович (1858–1923) — зоолог-морфолог, сравнительный анатом и эволюционист; выпускник ИМУ (1881), ученик А.П. Богданова. Магистр (1886) и доктор (1889) зоологии ИСПбУ, проф. там же Зоологического кабинета, ректор Петроградского ун-та (1919–1922), академик РАН (1920). В 1886–1889 гг. он был консерваторм (ассистентом) у Н.П. Вагнера.

насекомого. Для проверки этого предположения автор произвел более 1000 опытов над гусеницами и куколками бабочки-крапивницы. В некоторых случаях ему удалось вызвать изменение отложения пигмента и получить расположение пятен черного пигмента, несколько отличное от того, которое типично для большинства представителей вида *Vanessa urticae*⁵⁸. Эта работа была представлена Клодом Бернардом и напечатана в виде краткого сообщения в разделе сравнительной физиологии журнала Французской академии наук (Wagner, 1865) и обратила на себя общее внимание ученых.

Параллельно Вагнером были поставлены опыты по наличию и влиянию электрических токов на отложение пигментов у растений и существованию таких токов при развитии зародыша животных. Эта работа была представлена на II съезд русских натуралистов в 1869 г. Там он доказывал существование свободных электрических токов как в семенах растений, так и в яйцах животных — токов, идущих от «зародышевого пузырька» к желтку⁵⁹.

В 1870 г. Вагнер представил во Французскую академию наук работу, где впервые указал на перекрещивание у пчел нервных волокон в оптических долях мозга, что было потом подтверждено другими работами по строению нервной системы у различных групп насекомых. На Первом съезде русских натуралистов (1867–1868) Вагнер представил восемь сообщений, что указывает на высокую интенсивность его научной работы в то время. Из них следует указать на исследование, сделанное совместно с А.Л. Данилевским (тогда казанским, а после харьковским профессором) по функционированию нервной системы у насекомых. В этой работе авторы указали на специальную половую функцию последних узлов нервной цепи у насекомых.

Вслед за «модой» на эмбриологические исследования Вагнер начал работать и в этом направлении на Средиземном море (1865–1866), но в эмбриологии ничего существенного не достиг. Причиной этого отчасти было отсутствие у него систематических знаний как по морской фауне, так и по эмбриологии. Тот же Шимкевич писал: «Надо согласиться и с тем, что Н.П. Вагнер, не владея вполне зоологической техникой, далеко не всегда получал те результаты, которые получил бы на его месте исследователь гораздо менее талантливый, но прошедший надлежащую школу» (Шимкевич, 1908, с. 3).

Как показывает переписка Николая Петровича с его молодыми коллегами: Александром Онуфриевичем Ковалевским (1840–1901) и Ильей Ильичем Мечниковым (1845–1916) в 1860-е гг., Вагнер постоянно консультировался с ними (особенно с Мечниковым) по поводу своих морских находок. В письмах января 1866 г. Мечникова, которые затрагивали преимущественно полихет, последний писал в Неаполь: «Я очень рад, что Вы мне даете случай хоть короткое время думать о червях (они дороги моему сердцу), а то я совсем погрузился в изучение разных лимфатических сосудов, костей таза и тому подобное». Письмо было написано 18 января, видимо, в ответ на извинения Вагнера за многочисленность своих вопросов (Фокин, 2010, с. 621). Следует сказать, что, судя по этой переписке, значительных научных идей у Вагнера как эмбриолога не было.

⁵⁸ Теперь, вероятно, это *V. atalanta*.

⁵⁹ СПбФ АРАН. Ф. 51. Оп. 1. Д. 124. Никакого описания технических подробностей постановки экспериментов Вагнером, что, безусловно, важно для оценки результатов, мне найти не удалось.

К концу своего казанского профессорства (1869) Николай Петрович вынашивал план всестороннего (экологического) изучения местного крупного озера Кабан. Им была выдвинута целая программа для исследования этого водоема силами Казанского общества естествоиспытателей: «Анализ озера в биофаунистическом отношении и изучение влияния среды на жизнь и изменение организмов, микроскопическое исследование дна водного бассейна и почвы к нему прилегающей, изучение круговорота воды и его влияния на жизнь организмов, исследование представителей флоры волгоуральской полосы России во взаимной борьбе их между собой». Эти планы из-за отъезда ученого за границу (1870), а потом в Петербург (1871) остались, впрочем, нереализованными (АНМЛ, фонд Н.П. Вагнера).

Одна из всего нескольких совместных работ Вагнера была выполнена в 1868 г. в содружестве с А.О. Ковалевским, только что перешедшим в ИКУ, и Ф.В. Овсянниковым (1826–1906) — зоологом-физиологом и гистологом, вскоре, напротив, перешедшим из Казани работать в ИСПБУ. Объект исследования также был необычен для Николая Петровича — стерлядь. В исследовании развития этой ценной осетровой рыбы главную роль играл, конечно, Ковалевский.

Еще в 1860 г. Вагнер выступил в «Отечественных записках» со статьей «Природа и Мильн-Эдвардс»⁶⁰, где критиковал креационизм. Однако, несмотря на сделанный и опубликованный им позднее перевод книги А.Р. Уоллеса (1823–1913) «Естественный подбор» (Вагнер, 1878), его взгляд на эволюцию был далек от классического дарвинизма и, скорее, напоминал воззрения Е. Хартманна и А. Келликера (внутренний или особый закон эволюционного развития), т. е. был близок автогенезу (Вагнер, 1885б, 1887; Фокин, 2011а). Ученый предполагал наличие в животном мире некой «мирной конкуренции», а исходной точкой различных изменений организации видел в непонятных «индивидуальных силах» организма. Позднее его ассистент по ИСПБУ В.М. Шимкевич вспоминал:

Н.П. Вагнер стал за чаем развивать ему [архимандриту Мелетию. — *Прим. С.Ф.*] теорию трансформизма, но излагал ее в той своеобразной форме, как он сам ее понимал. Животное прогрессирует не в силу естественного подбора, не в силу влияния условий, а в силу того, что «желает» прогрессировать. «Захочет животное стать сильным — оно и станет сильным» — выкрикивал фальцетом Н.П. Вагнер (Шимкевич, 1908, с. 12).

В Казани, где Вагнер был профессором зоологии в течение 10 лет, он примыкал к левому крылу профессуры и активно участвовал в общественной жизни (Корбут, 1931; Фокин, 2006а). Так, ученый принимал деятельное участие в организации местного Общества естествоиспытателей и в проведении первых (с 1867) съездов русских естествоиспытателей и врачей. Еще до возникновения в южной Европе морских биологических станций профессор Вагнер дважды работал на Средиземном море (1865–1866, 1870–1871): в Неаполе, где родился его второй сын Юлий (1865–1946?), а также на Черном море, в Крыму (1863). В 1869 г. его неизданная работа — «*Monographie des deux espèces du golfe de Naples*», выполненная в Неаполе и посвященная анатомии и развитию двух видов изопод из рода *Anceus* (теперь *Gnathia*), была удостоена премии Бордена Парижской академии наук. В этом

⁶⁰ Мильн-Эдвардс Анри (1800–1885) — известный французский зоолог и естествоиспытатель, ученик Ж. Кювье, антидарвинист.

же году Вагнер был избран президентом Казанского общества естествоиспытателей и почетным членом ИСПБУ⁶¹, куда в 1870 г., после неоднократных попыток, он таки перешел ординарным сверхштатным профессором зоологии.

Морские исследования

После опубликования труда Ч. Дарвина «Происхождение видов» (1859) резко возросло количество сравнительно-анатомических и эмбриологических работ. Они были призваны в известной мере подтвердить или опровергнуть новую теорию. Дарвин указывал в своей книге, что наука о строении животных представляет собою один из наиболее интересных отделов естествознания. Творец дарвинизма, однако, сам мало работал как сравнительный анатом-морфолог и тем более не занимался эмбриологией.

Необходимость изучения анатомии и эмбриологии морских животных, особенно принадлежащих к низшим группам животного царства, была очевидна после появления дарвиновской теории эволюции, ибо именно эти представители беспозвоночных и низших хордовых являлись ключевыми для понимания эволюционных связей и единства происхождения животного мира. Таким образом, разработка зоологической, и прежде всего, эмбриологической тематики приобретала общебиологическое и даже мировоззренческое звучание.

Вагнер, наряду с некоторыми другими отечественными зоологами, откликнулся на веление времени. Как уже было отмечено, с 1860-х гг. его научные интересы заметно сместились в сторону морской зоологии. Его визит на Южный берег Крыма (Черное море), совершенный на собственные средства (летний сезон 1863), не оставил заметного следа в публикациях ученого⁶². Собранные беспозвоночные и позвоночные животные очевидно, прежде всего, пошли на пополнение университетских коллекций (АНМЛ, фонд Н.П. Вагнера). Уже за государственный счет Николай Петрович работал на Средиземном море: 1865–1866, 1870–1871, 1873–1874, 1883–1884 и 1892 гг.⁶³, в большей степени в Неаполе⁶⁴, (рис. 7) но также в Мессине и Виллафранке⁶⁵. Объектами работы Николая Петровича были многощетинковые черви, сипункулиды, моллюски, ракообразные, иглокожие и пелагические, а также сидячие асцидии⁶⁶. В первый приезд в Неаполь, как уже упоминалось, Вагнер лично познакомился с будущими отечественными классиками, эмбриологами-эволюционистами — А.О. Ковалевским и И.И. Мечниковым, с которыми по разным поводам

⁶¹ Вероятно, так было отмечено открытие Вагнером педогенеза у насекомых.

⁶² Была опубликована только небольшая сводная статья в «Ученых записках ИКУ».

⁶³ В 1879 г. ученый хотя и посетил Неаполь и окрестности, но наукой там не занимался.

⁶⁴ С 1873 г. ученый, очевидно, работал уже не только что открывшейся тогда Неаполитанской зоологической станции проф. А. Дорна, правда, в списке приезжавших на станцию в этом году он почему-то не значится.

⁶⁵ В настоящем разделе я не касаюсь работы Вагнера на Белом море (1876–1887).

⁶⁶ Такой разброс объектов (представители 5 различных типов беспозвоночных и низших хордовых) был характерен для исследователей того времени. По большинству из них ученый опубликовал статьи в различных научных журналах или сообщения в материалах съездов русских естествоиспытателей и врачей.

общался (больше письменно) до конца 1890-х гг. (Фокин, 2010). К обоим коллегам у Вагнера был и иной интерес — они последовательно работали в Зоологическом кабинете ИСПБУ, мысль о переходе куда не оставляла Николая Петровича.

Рис. 7. Вид Неаполя с холма Сант Эльмо. Фотография 1868 г. Архив автора
Fig. 7. View of Naples from Sant Elmo hill. 1868 photo. The author's collection

Касательно научной стороны дела следует, например, отметить, что предложение всесторонне изучить рака *Anceus*⁶⁷ исходило именно от Мечникова. Илья Ильич писал в Неаполь 7 января 1866 г. из Геттингена:

Я собирался сообщить Вам подробности о работе Гессе. <...> Большая часть его книги наполнена описаниями видов *Anceus* и рассказами об их образе развития. Но дело в том, что в сочинении сего француза (72 стр., 4 табл. 1864) никаких подробностей не оказывается, то есть описание его ужасно неполно и неудовлетворительно. <...> Было бы поэтому отлично, если бы Вы подробно разработали анатомию *Anceus* (самец и самка); весьма интересна должна быть также и эмбриология этого рака, так что, если бы Вы изучили и ее... (АНМЛ, фонд Н.П. Вагнера).

За два месяца начала 1866 г. Мечников определил для Вагнера около 10 видов полихет и дал много важных литературных ссылок по группам беспозвоночных, которые исследовались его корреспондентом в Неаполе.

В 1873 г. профессор Вагнер, уже утвердившись в ИСПБУ, представил в СПбОЕ весьма обширную работу об анатомическом строении и физиологии морских звезд Неаполитанского залива. Очевидно, материал для нее был собран еще в «переходный период» — 1870–1871 г., когда Николай Петрович более полугода работал в Неаполе. Ученым была исследована анатомия 12 видов морских звезд. Интересно, что так называемые глаза на концах лучей морской звезды Вагнер рассматривал как нервные центры, координирующие движение. Этот вывод был сделан им на осно-

⁶⁷ Работа, за которую через три года Вагнер получил премию Французской академии наук.

вании опытов с живыми объектами. Вагнер выявил также специфический аппарат, управляющий педицелляриями⁶⁸. Работа, однако, была напечатана не в развернутом виде.

Чуть раньше (1869) ученый представил в ИСПбАН работу о кровообращении у *Tunicata*⁶⁹. В этой работе Вагнер был первым из ученых, который указал на существование у асцидий полностью замкнутой кровеносной системы — признак, безусловно, указывающий на отличную от большинства морских беспозвоночных филогенетическую позицию туникат. Однако Николай Петрович не понял значения обнаруженного им факта⁷⁰.

Переписка с А.О. Ковалевским, возникшая годом позднее, чем с И.И. Мечниковым, помимо обмена научной информацией, касалась желания Вагнера «заполучить» Ковалевского в Казань, очевидно, с мыслью потом занять его место в ИСПбУ (Фокин, 2010). Очередной раз возможность реализации идеи водвориться в Санкт-Петербурге замаячила на горизонте ученого.

Жизнь в Санкт-Петербурге

В 1868 г. 28-летний А.О. Ковалевский, доцент ИСПбУ, после почти годовых раздумий окончательно принял предложение Н.П. Вагнера об избрании его профессором в ИКУ, хотя принципиальное согласие молодого ученого было получено еще за полгода до этого:

Итак, я согласен на Ваше предложение, искренне и от души благодарю Вас за него и надеюсь исполнять то дело, на которое Вы меня призываете, насколько хватит сил и умения. <...> Вы пишете, что моя поездка на год за границу после двухлетних занятий при университете не вызовет затруднений, и только это одно меня заставляет согласиться на принятие Вашего предложения, — писал Александр Онуфриевич в Казань из Триеста в сентябре 1867 г.⁷¹ (АНМЛ, фонд Н.П. Вагнера).

Казалось бы, заветная мечта Вагнера о переезде в Санкт-Петербург была близка к осуществлению. Однако неожиданно И.И. Мечников, работавший в ИСПбУ доцентом (1866) перед Ковалевским (1866–1867), а в тот момент служивший в Новороссийском университете (Одесса), решил вернуться в Петербург⁷². Эта

⁶⁸ Специальные защитные органы, расположенные на поверхности тела некоторых иглокожих (морских звезд и ежей).

⁶⁹ В монографии 1885 г. Вагнер пишет, что впервые обнаружил замкнутость кровеносной системы у асцидий еще в 1866 г., однако он и в 1885 г. все еще разделял достаточно распространенный у зоологов того времени взгляд о родстве туникат и двухстворчатых моллюсков.

⁷⁰ В это время факт, что туникаты не беспозвоночные, а личинкохордовые (Chordata), еще не был вполне принят ученым миром, хотя А.О. Ковалевский уже опубликовал свои первые исследования по эмбриологии (развитию) представителей этой группы (1866–1871), показавшие, что *Ascidacea* (Tunicata) должны рассматриваться как хордовые животные.

⁷¹ В Казани Ковалевский, впрочем, провел менее года, так как снова получил командировку в Неаполь. В конце 1869 г. он уже перевелся профессором в Киевский университет.

⁷² Мечников был избран доцентом в Новороссийском университете в 1866 г., но через два года снова вернулся в столицу, чтобы защитить докторскую диссертацию «Об истории разви-

неожиданная коллизия четко была обозначена в переписке Мечникова и Вагнера и послужила к охлаждению их прежде дружеских отношений. В одном из писем к И.И. Мечникову в 1869 г. Николай Петрович прямо писал:

Я давно уже стремился в Петербург, и Вы уже знаете, что вызывом Ковалевского в Казань я подготавливал себе то место, которое Вы теперь занимаете. Дожив до 40 лет, то есть потратив уже большую часть лучших сил, я мечтал о Петербурге, где энергия моя была бы поддержана разными удобствами, наконец самой жизнью. <...> Вы говорите этой мечте: stop! Что же, может быть, Вы и правы. <...> Если когда-нибудь и почему-нибудь Вам надоест университет, то я убедительно прошу Вас известить меня о том немедленно (Борьба за науку, 1931, с. 124–125).

Сам И.И. Мечников в это время так характеризовал своего старшего коллегу А.О. Ковалевскому:

Видите ли, что Вагнер, при всех своих достоинствах, может ни с того ни с сего напасть на человека, с которым до того был в хороших отношениях. <...> В ответ на мое откровеннейшее письмо, в котором я писал ему, что боюсь конкуренции в Петербурге, так как у него есть друзья, которые (помимо воли Вагнера) станут вытеснять меня из-за него, он послал мне ругательный ответ, вследствие которого наши отношения сделались, конечно, очень скверны (Мечников, Письма..., 1974, с. 78)⁷³.

Итак, после успешной докторской защиты (1868) Мечников занял место доцента при Зоологическом кабинете ИСПБУ. Вскоре, однако, ситуация резко изменилась — последовало его избрание профессором Новороссийского университета (1870), и Илья Ильич вернулся в Одессу, навсегда покинув столицу⁷⁴.

Понятно, что Николай Петрович, будучи ординарным профессором, не хотел понижать свой академический статус до доцента (не говоря уже о денежной стороне вопроса). Ход переговоров между профессором Кесслером, который тогда был главой Зоологического кабинета и ректором ИСПБУ, хорошо просматривается по переписке того времени между Ковалевским и Мечниковым: «Н.П. Вагнер очень хочет перейти на ваше место в Петербурге, но все еще надеется, что ему дадут в университете прибавку до 3 000», — писал Ковалевский Мечникову в июле 1869 г. (Письма..., 1955, с. 53). Спустя три месяца Александр Онуфриевич снова возвратился к этой теме: «Вагнер не решается перейти на 2 000 рублей, а Кесслер ему сказал, что денег нет, и 3 000 они дать не могут. В Казани некоторые господа хотят ввести Мельникова⁷⁵, и если это случится, то

тия *Nebalia*» (1868). Он и занял место, которое Вагнер «организовал», вызвав Ковалевского в Казань, для себя.

⁷³ Некоторые черновики писем Вагнера сохранились в пражском архиве ученого, и хотя в цитируемой книге письмо датируется 1867 г., в действительности оно было написано в 1869 г.

⁷⁴ Фактически И.И. Мечников в это время был в заграничной командировке от ИСПБУ и просто из-за границы уже поехал в Одессу.

⁷⁵ Мельников Николай Михайлович (1840–1900), зоолог-эмбриолог и анатом, после перехода Вагнера в ИСПБУ занял кафедру зоологии ИКУ, но вскоре (1871) был замещен известным зоологом-эмбриологом В.В. Заленским.

Вагнеру будет, я думаю, так плохо, что он поедет в Петербург и на ваше место в 2 000 рублей» (Письма..., 1955, с. 60).

В конце 1869 г. попечитель Казанского учебного округа, с которым у Вагнера возникли серьезные трения⁷⁶, едва не отправил профессора в отставку, но министерство ограничилось только выговором.

Наконец, 27 апреля 1870 г. в Совете Петербургского университета состоялось избрание Николая Петровича в сверхштатные ординарные профессора ИСПБУ по разряду зоологии и сравнительной анатомии. Вполне возможно, что ему в какой-то мере протезировали бывшие коллеги по ИКУ Ф.В. Овсянников и А.М. Бутлеров, к тому времени уже профессора ИСПБУ⁷⁷. Главной же, конечно, была позиция главы Зоологического кабинета и ректора ИСПБУ, профессора К.Ф. Кесслера (рис. 8).

Рис. 8. К.Ф. Кесслер. С.-Петербург, конец 1860-х гг. Архив Музея национальной литературы, Прага (Чешская Республика), фонд Н.П. Вагнера

Fig. 8. K.F. Kessler. St. Petersburg, late 1860s. Archive of the Museum of National Literature, Prague (Czech Republic). N.P. Wagner's fonds

На заседании Совета ИСПБУ он изложил ее следующим образом:

⁷⁶ Точно их причина мне не известна, возможно, что они были связаны с неаккуратностью Вагнера как преподавателя в преддверии его перехода в ИСПБУ.

⁷⁷ Вагнер был избран 30 голосами против 2. Его профессорский денежный оклад (3 000 руб.) был суммой доцентского (1 200 руб.) с добавлением 800 руб. из специальных сумм ИСПБУ и 1000 руб. из сумм Государственного казначейства. В справке по истории Зоотомического кабинета датой этого заседания указано 11 мая 1870 г. (Филипченко, 2011).

Мои обязанности по званию ректора поглощают у меня столько времени, что я едва успеваю излагать в надлежащей полноте курс общей зоологии и не имею никакой возможности <...> читать курсы специальной зоологии и сравнительной анатомии, совершенно необходимые при настоящем устройстве у нас разряда Естественных наук. <...> Считаю долгом обратить внимание факультета для этой цели на профессора Казанского университета Н.П. Вагнера. <...> Едва ли найдется у нас другой зоолог, который обладал бы такими разнообразными естественнонаучными знаниями и таким глубоким вниманием к задачам биологических наук (Протоколы..., 1870, с. 74–75).

Переезд Вагнера в Петербург после фактического утверждения его избрания в министерстве, однако, состоялся только через полтора года — вторую половину 1870 и первую 1871 г. он был в научной командировке за границей. Н.П. Вагнер был переведен из Казанского в Петербургский университет 15 августа 1871 г.

Таким образом, Вагнер появился в ИСПБУ в то время, когда К.Ф. Кесслер, руководитель Зоологического кабинета и ректор Университета, уже решил разделить кабинет на два самостоятельных отдела — зооогический и зоотомический (зоологии позвоночных и зоологии беспозвоночных животных). Николай Петрович и стал руководителем вновь образованного Зоотомического кабинета и оставался его главой 23 года, до официального выхода в отставку осенью 1894 г.⁷⁸

Научная и преподавательская активность Вагнера в 1870-х — первой половине 1880-х гг., которую я кратко охарактеризую в этом разделе⁷⁹, могла бы быть более значительной, но уже в это время его интересы существенно сместились в сторону литературной работы, спиритизма (с начала 1870-х), а в конце первого десятилетия петербургской жизни временно и художественного творчества (рис. 9).

Поскольку исследованиям на Белом море и их роли в жизни Николая Петровича будет посвящен специальный раздел этой статьи, сейчас кратко коснемся только академической стороны жизни ученого в Петербурге и его внезапного, на первый взгляд, порыва в конце 1870-х гг. стать профессиональным художником. Как писал первый «биограф» ученого, его младший коллега В.М. Шимкевич:

Русская жизнь часто заставляет людей уклоняться от прямого, казалось бы, самой судьбой намеченного, пути. Так и Н.П. Вагнер — то берется за решение тонких гистологических вопросов, для чего у него не было надлежащей технической подготовки, то принимается за популяризацию, то пишет романы и повести, то увлекается спиритизмом и философией оккультизма. А в результате громадный талант дает не более того, что дает заурядный западный европейский исследователь. Потеряв в зоологии, Н.П. Вагнер не сделался и крупным белли-тристом. <...> Вообще, у Н.П. Вагнера было несомненное зоологическое чутье, которое помогало находить интересные темы для исследования. <...> Нередко в Н.П. Вагнере художник

⁷⁸ Формально Н.П. Вагнер считается основателем Зоотомического кабинета, но в действительности активная роль в этой реорганизации принадлежала К.Ф. Кесслеру, который таким образом снизил свою педагогическую нагрузку и улучшил преподавание зоологии беспозвоночных в ИСПБУ. Более того, в ИКУ Вагнер ратовал за уничтожение деления зоологии при преподавании на систематику, сравнительную анатомию и физиологию (СПбФ АРАН. Ф. 300. Оп. 1. Д. 4).

⁷⁹ Фактически после 1885 г. научная и административная активность Н.П. Вагнера быстро «сошла на нет» — его продолжали интересовать только спиритизм и литературное творчество.

превалировал над исследователем, и тогда его чутье завлекало его в дебри смутных предположений и слишком смелых гаданий (Шимкевич, 1908, с. 3–4).

Рис. 9. Портрет Н.П. Вагнера. Санкт-Петербург, 1876 г. В.И. Якоби. Масло, холст. Собственность Л.Л. Вагнер

Fig. 9. V.I. Yakobi. Portrait of N.P. Wagner. St. Petersburg, 1876. Canvas, oil. Property of L.L. Wagner

Любое начинание начинается кем-то, любая организация создается конкретными людьми, существует и развивается благодаря их усилиям, энергии, вере в дело, которому они служат. В этом смысле надо иметь в виду большую роль К.С. Мережковского (1855–1921) и В.М. Шимкевича в работе и развитии Зоотомического кабинета в 1883–1889 гг. (оба они были вначале консерваторами кабинета). Поскольку в 1873–1874, а также 1879 и 1883–1884 гг. Вагнер большую часть времени провел за границей, его активность в университете более-менее свелась к десяти годам (Фокин, 2011а)⁸⁰.

Став руководителем Зоотомического кабинета, профессор имел крайне ограниченные штатные возможности — только одну должность консерватора⁸¹. При длительном отсутствии профессора (заграничные командировки) основной курс зоологии беспозвоночных за него читали приват-доценты⁸². Следует отметить, что, переехав в Петербург, Вагнер пригласил из Казани двух своих учеников по ИКУ —

⁸⁰ Летние сезоны 1876, 1877, 1880, 1882, 1886 и 1887 гг. Вагнер провел на Белом море, и научная тематика ученого этого времени была прочно связана с изучением фауны и особенно некоторых ее представителей этого арктического морского бассейна России. После 25-летия профессорского служения, за выслугу лет (1885), Вагнер мог и не читать лекций, сохраняя свое жалованье, чем он активно пользовался.

⁸¹ Потом она была заменена на должность «хранитель кабинета» и могла быть как штатной, так и внештатной.

⁸² Это были О.А. Гримм, М.П. Богданов, М.М. Усов, а потом К.С. Мережковский и В.М. Шимкевич. Когда с начала 1890-х гг. Вагнер полностью перестал читать лекции (1891–1894), основной курс был поделен между Н.А. Холодковским, Н.Н. Полежаевым, В.А. Фаусеком и Н.М. Книповичем.

В.Д. Аленицина (1846–1910) и М.П. Богданова (1841–1888). Если первый через 7 лет покинул не только Зоотомический кабинет, но и науку вообще (хотя был ближайшим помощником Вагнера), то второй со временем стал известным зоологом, руководителем соседнего Зоологического кабинета ИСПБУ. Спустя 15 лет приглашение Н.П. Вагнером В.М. Шимкевича, ученика А.П. Богданова, из Москвы в ИСПБУ сыграло, как уже было отмечено, существенную роль не только для обоих кабинетов, но и для всего ИСПБУ (Петроградского университета) в целом (рис. 10).

Рис. 10. Фасад здания С.-Петербургского университета. 1880.
Архив Музея-квартиры Д.И. Менделеева, СПбГУ

Fig. 10. The façade of the building of St. Petersburg University. 1880.
Archive of D.I. Mendeleev Museum-Apartment, SPbGU

Единственный прямой ученик профессора в 1880-х гг. — К.С. Мережковский не только в течение ряда лет (1883–1886) практически заменял Вагнера в кабинете, а в 1883–1884 гг., когда Николай Петрович работал на Неаполитанской станции, просто единолично руководил Зоотомическим кабинетом. Константин Сергеевич как ученый далеко превзошел учителя (Fokin, 2021). Это был также весьма разносторонне одаренный человек (об этом см. вторую часть этой статьи).

Как профессор зоотомии (зоологии беспозвоночных) Вагнер должен был читать в ИСПБУ в разные годы следующие курсы: специальная зоология (зоология беспозвоночных), демонстрационно-практический курс зоотомии⁸³, эмбриология беспозвоночных, суставчатоногие, сравнительная анатомия беспозвоночных,

⁸³ В действительности в курсе была только демонстрационная часть. В некоторые годы этот курс значился как «упражнения в зоотомии». Практических занятий, однако, Вагнером не было организовано.

простейшие и антимерные животные⁸⁴. Однако общее мнение, сформулированное позднее в записке по истории Зоотомического кабинета, сводилось к тому, что и как лектор-преподаватель, и как администратор Н.П. Вагнер не зарекомендовал себя в Петербурге с лучшей стороны:

Что касается до преподавательской деятельности Н.П. Вагнера, взятой в ее целом, то отзывы всех, слушавших его лекции или занимавшихся в Зоотомическом кабинете сходятся в том, что при нем преподавание было поставлено не на надлежащей высоте. Лекции его оставляли желать многого даже в смысле научного изложения, да и к ним он относился очень небрежно. <...> И вообще при Н.П. Вагнере, т. е. в течение почти 25 лет, Зоотомический кабинет стоял значительно ниже во всех отношениях Зоологического кабинета. <...> Отзывы всех лиц, работавших в Зоотомическом кабинете в начале девяностых годов [XIX в. — *Прим. С.Ф.*], сходятся на том, что он находился в то время в достаточно запущенном виде. <...> Н.П. Вагнер и ранее мало интересовался этой стороной своей деятельности, а к началу девяностых годов он совсем перестал принимать в жизни кабинета какое-либо участие (Филипченко, 2011, с. 91, 102)⁸⁵.

Стоит привести здесь один из таких отзывов, сделанный бывшим студентом Николая Петровича:

Постановка преподавания была самая жалкая, отделение беспозвоночных производило впечатление сильной заброшенности, настоящих практических не было, вместо них достаточно плохие демонстрации. Проф. Н.П. Вагнер, к которому я обратился вскоре по приезде [Н.М. Книпович (1862–1939) окончил гимназию в Гельсингфорсе — Хельсинки в 1881 г. — *Прим. С.Ф.*] с просьбой дать возможность заниматься в кабинете, отнесся ко мне довольно любезно, но скоро я убедился в очень малой полезности посещения заброшенного кабинета. Учиться методам исследования было не у кого (Книпович, 2011, с. 177)⁸⁶.

Другим показателем эффективности преподавательской деятельности профессора может быть количество его прямых учеников, хотя иногда определить в этом смысле статус лиц, учившихся и работавших при данном профессоре, достаточно сложно. Формально при Вагнере зоологии беспозвоночных училось в Зоотомическом кабинете около 10–12 человек, далее оставивших заметный след в науке, но фактически, как уже упоминалось, только К.С. Мережковский⁸⁷ может

---

⁸⁴ В 1880-х гг. заявленные курсы (кроме основного) далеко не всегда в действительности читались.

⁸⁵ Записка была составлена Ю.А. Филипченко (1882–1930), выпускником и сотрудником Зоотомического кабинета (в дальнейшем крупнейшим отечественным генетиком), в 1918 г. к 100-летию юбилею Петербургского университета (1919) и опубликована мною в 2011 г.

⁸⁶ Определенное указание об отношении к Н.П. Вагнеру коллег по ИСПБУ можно найти в результатах выборов на должность декана Физико-математического фак-та и ректора ун-та 1877–1878 гг. — среди 5–6 кандидатов Вагнер получал наименьшее число избирательных голосов.

⁸⁷ Мережковский Константин Сергеевич — выпускник ИСПБУ (1880). Протистолог, зоолог, ботаник, антрополог, писатель; магистр (1902) и доктор (1906) ботаники, проф. (1908) ИКУ. О нем подробнее см. вторую часть статьи.

быть назван прямым учеником Н.П. Вагнера⁸⁸. Все остальные были (и в большинстве сами это признавали) учениками уже Мережковского или Шимкевича (Фокин, 2011а)⁸⁹. Такой результат преподавательской и научной активности Н.П. Вагнера в ИСПБУ следует признать явно неудовлетворительным. Тем не менее в ноябре 1879 г. он был утвержден в звании заслуженного ординарного профессора ИСПБУ⁹⁰. Вероятно, эта процедура была в известной степени формальная и связана с выслугой лет (30 лет научной деятельности).

Научная продукция профессора Вагнера за время заведования им Зоотомическим кабинетом была не слишком мала, но в основном она состояла из ряда небольших статей или сообщений аналитического и систематическо-морфологического характера. Единственная крупная работа была результатом его исследований в течение ряда лет (1876–1882) части представителей фауны беспозвоночных в Белом море — «Беспозвоночные Белого моря» (Вагнер, 1885а)⁹¹. Кроме того, по его лекциям был составлен учебник зоологии (Вагнер, 1877), а через восемь лет издана другая версия зоологии беспозвоночных, второе, несколько переработанное издание, которой вышло два года спустя (Вагнер, 1885б, 1887).

Помимо ИСПБУ Н.П. Вагнер преподавал три года (1880–1883) зоологию на Высших женских курсах (Бестужевских). Эта часть профессорства ученого в высших учебных заведениях интересна прежде всего тем, что сохранились и опубликованы воспоминания об этих лекциях и вообще о личности профессора одной из студенток, в том числе работавшей позднее приватно в Зоотомическом кабинете ИСПБУ (Фокин, 2007б, 2011в; Фаусек, 2011).

Ю.И. Андрусова (Фаусек)⁹² с осени 1880 по весну 1884 г. училась на естественном отделении Высших женских курсов (ВЖК). Во время учебы и еще пару лет после она с интересом изучала именно зоологию беспозвоночных и предполагала продолжить научную деятельность именно в этой сфере. Поэтому она хорошо знала всех университетских зоологов, большинство из которых преподавали и на ВЖК. Хотя свои воспоминания она записала много позднее (1936–1938), в их правдивости нет сомнений. Вспоминая Н.П. Вагнера, мемуаристка писала:

Зоологию беспозвоночных нам читал Николай Петрович Вагнер, известный ученый. <...> Вагнер читал занимательно и картинно, иллюстрируя свои лекции прекрасными препаратами и таблицами, которые привозил из университетского кабинета зоологии его слу-

⁸⁸ Этого же взгляда придерживался и Ю.А. Филиппченко (2011).

⁸⁹ Например, В.Т. Шевяков (1859–1930) — проф. ИСПБУ, чл.-корр. ИСПБАН, крупнейший русский протистолог начала XX в. и реорганизатор системы обучения зоологии беспозвоночных в ИСПБУ, который иногда причисляется к ученикам Н.П. Вагнера, ни в коей мере им не был (Фокин, 2021б).

⁹⁰ Извещение, подписанное ректором ИСПБУ А.Н. Бекетовым, от 23.01.1880 (АНМЛ, фонд Н.П. Вагнера).

⁹¹ Был издан только первый том и по-русски, и по-немецки.

⁹² Андрусова (Фаусек) Юлия Ивановна (1863–1942) — выпускница ВЖК (1884), ученица К.С. Мережковского, после 1886 г. отошла от науки. Далее занималась вопросами детского воспитания, одной из первых стала в России применять в этой области систему М. Монтессори. Младшая сестра академика Н.И. Андрусова, жена зоолога В.А. Фаусека, умерла в блокадном Ленинграде.

житель, Самуил. <...> Вагнер отличался своими чудачествами: <...> Однажды Вагнер пришел к нам на лекцию без воротничка; вместо него на шее у него был повязан довольно грязный носовой платок, кончики которого торчали с одного бока, как два заячьих уха. Мы смотрели на него с удивлением. «Вы удивляетесь, mesdames, — сказал Вагнер, прервав лекцию на минутку. — Это, конечно, вам кажется странным, но духи сегодня утром запретили мне надевать воротничок, и я должен был вместо него употребить носовой платок». <...> Практические занятия по курсу Вагнера вел у нас на втором курсе Николай Евгеньевич Введенский, будущий знаменитый физиолог⁹³ <...> Мы получали гораздо больше знаний от Введенского, чем от Вагнера (Фаусек, 2011, с. 180–182).

Это общее впечатление о Н.П. Вагнере в период, когда он заведовал Зоотомическим кабинетом, прежде всего, его прямых коллег и студентов (Шимкевич, 1908; Никольский, 1966; Книпович, 2011). Последний автор, в будущем крупный отечественный гидробиолог и океанолог, так вспоминал о совместном путешествии с Н.П. Вагнером на Белое море в 1887 г.:

Поездка на Белое море имела для меня важное значение, несмотря на то, что в составе экскурсии не было никого, кто мог бы серьезно знакомить с фауной Белого моря и с биологией моря вообще. Знакомство с фауной Н.П. Вагнера, стоявшего во главе экскурсии, было очень одностороннее и поверхностное, а главное — известный запас знаний, которым он обладал, был перепутан с самыми необузданными фантазиями (Книпович, 2011, с. 178).

Из всего вышеприведенного можно заключить, что в Петербурге Н.П. Вагнер относился к своей службе достаточно формально, по инерции, часто пренебрегая своими прямыми обязанностями. Этот вывод никак нельзя связать со здоровьем или возрастом ученого — ему было тогда только 42–56 лет, и никакими серьезными болезнями, насколько известно, он в то время не страдал. Приходится признать, что он абсолютно охладел к преподаванию, а занятия наукой его еще привлекали, по-видимому, больше как возможность путешествовать и бывать как в комфортных условиях Западной Европы, так и в абсолютно девственных тогда краях Беломорья. Правда, поездки на Белое море стоят достаточно особняком в петербургской жизни ученого. Безусловно, они были ярким событием и явились стимулом к продолжению научной деятельности Вагнера. Может быть и потому, что Белое море было еще почти не исследовано и его изучение сулило немало открытий, а Вагнер как ученый был, конечно, натуралистом-естествоиспытателем, для которого природа сама по себе была жизненной ценностью. Об этой части работы ученого я расскажу в следующем разделе этой статьи.

Составив себе определенное имя в науке, Николай Петрович этим нередко пользовался в самых разных ситуациях. Так, обычной «отговоркой» Вагнера на возражения по поводу его странных научных и спиритических наблюдений была фраза: «Педогенезу тоже не верили, а оказалось — правда!» Желая быть членом Русского литературного общества, которое избрало его только в члены-сотрудники, а не в действительные члены, он писал Я.Н. Полонскому в феврале 1889 г.:

⁹³ Введенский Н.Е. (1852–1922) — выпускник Физиологического кабинета ИСПБУ (1879), ученик И.М. Сеченова. Магистр (1884) и доктор (1887) зоологии и физиологии, зав. кафедрой физиологии ИСПБУ (1888), чл.-корр. ИСПБАН (1908).

Имеет ли право Русское Литературное Общество, избирая в члены известного русского ученого, игнорировать его научные заслуги и ограничиваться только оценкой его литературных (беллетристических) трудов? That is the question! <...> Не могу никак претендовать на почетное место рядом с Вами, Толстым, Гончаровым etc. Но с научной стороны смею думать, что занимаю место ничуть не ниже Исьнева?⁹⁴ Это вопрос не личного самолюбия, а здесь я защищаю авторитет и компетентность иных обществ и учреждений (в том числе и Петербургского Университета), которые избрали меня почетным членом⁹⁵.

Пример странной логики Вагнера, которая присутствовала как в его научных, так и литературных трудах.

Не лишне будет здесь также дать портрет ученого, точнее, упомянуть то впечатление, которое он производил на окружающих в середине 1870—1880-х гг. (фотографий Н.П. Вагнера 1870—1880-х гг. известно около десятка)⁹⁶ (рис. 11).

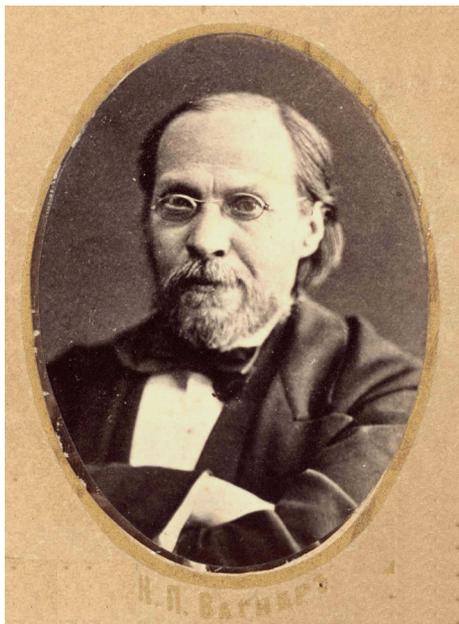

Рис. 11. Н.П. Вагнер. С.-Петербургский университет, 1882.

Архив Музея-квартиры Д.И. МенделееваСПбГУ

Fig. 11. N.P. Wagner, St. Petersburg University, 1882.

Archive of D.I. Mendeleev Museum-Apartment, SPbGU

⁹⁴ Видимо, какой-то малоизвестный литератор того времени.

⁹⁵ РА ИРЛИ Д. 11948. Л. 13. Н.П. Вагнер был к тому времени действительным статским советником, почетным членом Казанского, Московского и Санкт-Петербургского обществ естествоиспытателей и почетным членом, а также заслуженным профессором ИСПБУ. Он был кавалером четырех российских орденов: Св. Анны II ст.(1867), Св. Владимира III ст. (1883), Св. Станислава I ст. (1887) и Св. Анны I ст. (1892).

⁹⁶ Есть и живописный портрет ученого 1876 г. работы В.И. Якоби (собственность Л.Л. Вагнер).

Первое по времени (1875), сделанное с определенным юмором описание Николая Петровича есть в письмах А.Г. Достоевской (Достоевский, Достоевская, 1976, с. 207–208):

На вид это маленький смешной человечек с женским визгливым голосом, с огромной соломенной пастушеской шляпой и огромнейшим пледом в руках. <...> По-видимому, очень простой, хотя несколько смешной человек. На другой день я видела его в парке на скамье, читающим письмо (вероятно, от кого-либо с того света) и до того погруженным в чтение, что никого не видел (меня тоже не видел). Затем вскочил и три раза пробежал взад и вперед по длинной аллее, а затем пропал. Вообще в этот раз имел вид полусумасшедшего человека (как и следует спириту).

Есть зарисовка с Н.П. Вагнера и у Ф.М. Достоевского (Достоевский, 1994, с. 216):

Всех более заслужил симпатии один очень ученый профессор зоологии: он прибежал позже всех, но в совершенном отчаянии. Он бросался на всех и ко всем, расспрашивал о тритоне с жадностью и почти плакал, что его не увидит и что зоология и свет потеряли такую тему...! Горестный профессор тыкал палочкой в воду близ того места, где скрылся тритон, бросал маленькими камушками, выкрикивал: «Кусь, кусь, сахарцу дам!», но всё тщетно — тритон не выплыл... (1878)⁹⁷.

«Вагнер всегда ходил в потертом сюртуке, в старом пальто, в какой-то рыжей шапке, про которую студенты говорили, что она сшита “из меха зеленой обезьяны”, и голубом пледе. Этот плед был когда-то темно-синий, но от времени выцвел. В холодные дни Вагнер носил этот плед не только на улице, но и в аудитории. О таком его одеянии ходила сплетня, будто на одном из медиумических сеансов духи предсказали Вагнеру три года жизни, и он сшил себе одежду с расчетом на три года, но прошло тринадцать лет, а он все еще жил и новой одежды не заводил, ожидая каждый год смерти», — таким запомнила своего профессора его студентка на ВЖК Юлия Андрусова (Фаусек, 2011, с. 181).

Более пристально рассмотрел и нелицеприятно описал Вагнера в ходе совместной поездки на Белое море другой его бывший студент и коллега-зоолог А.М. Никольский: «Он производил неприятное впечатление, как в физическом, так и в моральном отношении⁹⁸. Маленький, сутулый, с кривыми ногами и расставленными вбок руками, он походил на паука. Очень неприятное было его выражение лица с маленькими свинцового цвета глазами. Голос был у него какой-то скрипучий. Несомненно, это был психопат» (Никольский, 1966, с. 81).

В.М. Шимкевич, первый раз столкнувшийся с Вагнером в 1885 г., когда молодой зоолог приехал в Петербург сдавать магистерский экзамен, так запомнил своего экзаменатора и в будущем коллегу по Зоотомическому кабинету:

⁹⁷ Фельетон-история про появление в одном пруду на Елагине острове в Санкт-Петербурге некоего загадочного тритона.

⁹⁸ Намек на то, что Вагнер был антисемитом.

Н.П. Вагнер этого периода остался в моей памяти в виде седенького старичка, уже сгорбленного годами⁹⁹, но еще недряхлого, со странным почти стеклянным взглядом, всегда устремленным куда-то мимо собеседника. Голос у него был резкий, скрипучий, переходящий часто в фальцет и вообще невыгодный для лектора (Шимкевич, 1908, с. 6) (рис. 12).

Рис. 12. Семья проф. Вагнера. Слева: Ольга, Юлий, Николай Петрович, Екатерина Александровна, Екатерина, Петр, Надежда.

Начало 1880-х гг. Павловск? Архив В.Н. Вагнер, Москва

Fig. 12. Prof. Wagner's family. Left: Olga, Yulius, Nikolai Petrovich, Ekaterina Aleksandrovna, Ekaterina, Peter, Nadezhda. Early 1880s. Pavlovsk? Archive of V.N. Wagner, Moscow

В 1878–1879 гг. ученый, еще далеко не будучи «седеньким старичком», так увлекся изобразительным искусством, что даже предполагал сделаться профессиональным художником — факт, до сих пор никогда не отмечавшийся в литературе¹⁰⁰. Как большинство тогдашних ученых-биологов, Николай Петрович сам иллюстрировал свои исследования. При этом, несомненно, проявлял значительные художественные способности. Особенно наглядно это видно на примере его иллюстраций к собственной книге «Беспозвоночные Белого моря» (Вагнер, 1885а). Как читатель помнит, вкус к изобразительному искусству и его понимание развились у Вагнера еще с детства. Среди его знакомых и друзей по Петербургу было немало художников и литераторов, с некоторыми из них Вагнер состоял в переписке. В одном из писем, посланных Николаем Петровичем его близкому знакомому, известному поэту, литератору и даже художнику той поры Я.П. Полонскому (1819–1898) из-за границы (Карлсбад, 15.07.1879), читаем:

⁹⁹ Николай Петровичу было тогда только 56 лет и, скорее всего, на реальный его образ наложились у мемуариста воспоминания более позднего времени, но основные черты в описании совпадают с образом, нарисованным другими, вспоминавшими Вагнера.

¹⁰⁰ Вагнер опубликовал несколько статей по изобразительному искусству в 1871–1877 гг. Он был хорошо знаком со многими художниками того времени, которые иллюстрировали его литературные произведения.

Я почти лишился одного глаза... Пробка из бутылочки с содовой водой вздумала мне выхлопнуть прямо в глаз, разбила очки и стекла изранили мне зрачок. Вследствие этого, я вместо того, чтобы с пользой употребить время на питье карлсбадских вод, просидел три недели в комнате, с повязкой на глазу. Теперь мне лучше. Раночка затянулась, но, увы, рубцы останутся, вероятно, на всю жизнь, **так что прости, мое художество! А я было весь отдался ему. Вот скоро почти год, как ничего не делаю более, как рисую, рисую, рисую** [выделено мною. — Прим. С.Ф.]. В Неаполе я работал как первый труженик. Почти два месяца, каждый день и целый день самым добросовестным образом жарился на солнце, набрал материал для большой картины, которую думаю и доработать в России. И все это уничтожила поганая содовая бутылка! Una persona presuppone a...! Грустно! Всего грустнее, что уничтожилось вместе с тем одно средство прокормления. А я так крепко рассчитывал на него! Ну, что Вам сказать о моей жизни. Она была так однообразна. На Капри я малевал¹⁰¹, в Неаполе тоже, в Венеции (где я пробыл 2 недели) тоже, наконец, здесь, в Карлсбаде, тоже было принялся за малевание... Художнику, впрочем, здесь нечего делать. Окрестности только условно живописны. Немцы более привыкли восхищаться разными Kunststuck'ами, чем мы — природой¹⁰² (рис. 13).

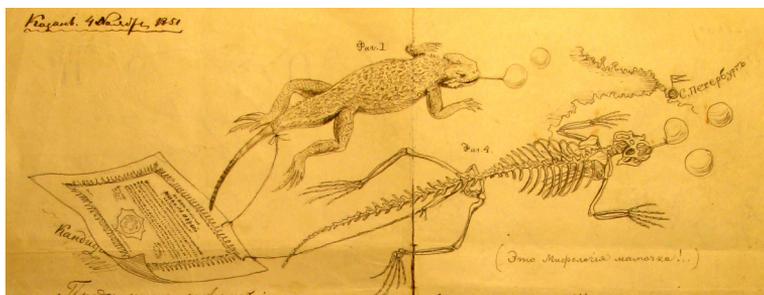

Рис. 13. Рисунок Н.П. Вагнера в письме к матери, 1851 г. Архив Музея национальной литературы, Прага (Чехия), фонд Н.П. Вагнера

Fig. 13. N.P. Wagner's drawing from the letter to his mother, 1851, Kazan. Archive of the Museum of National Literature, Prague (Czech Republic). N.P. Wagner's fonds

Ни одной из живописных работ ученого, по-видимому, не сохранилось¹⁰³. В Пражском архиве Н.П. Вагнера, однако, есть немало его писем к родителям еще 1850-х гг., проиллюстрированных хорошо сделанными рисунками; есть точные зоологические наброски и в письмах к коллегам. Художественные способности отца унаследовал старший сын Вагнера Петр (1862–1930)¹⁰⁴ — один из учени-

¹⁰¹ В одном из предыдущих писем с Капри (17.12.1878) Вагнер писал, что делает наброски для атласа человеческой фигуры, который собирается издать в России.

¹⁰² РА ИРЛИ. Д. 11948. Л. 7–8.

¹⁰³ В пражском архиве Н.П. Вагнера их нет, а у ныне здравствующих потомков со стороны сына ученого — Петра есть только удачный акварельный набросок зайца, сделанный, по их мнению, именно Н.П. Вагнером.

¹⁰⁴ П.Н. Вагнер был художником-маринистом; до последнего времени считалось, что он умер в 1932 или 1931 г. В архиве записей гражданского состояния г. Санкт-Петербурга, однако, указывается 16.08.1930 (сообщение А.Ю. Заднепровской). О нем см. вторую часть этой публикации.

ков А.И. Куинджи (1841–1910), в конце жизни ставший профессором живописи в Высшем художественно-техническом институте (бывшей Императорской академии художеств) (Валиев, Заднепровская, 2015).

Биологическая станция на Белом море

Возникновение и развитие морских биологических станций в России в последней трети XIX в. начиналось в русле общеевропейского процесса изучения природы «в самой природе». Создание таких станций шло, однако, непросто, что во многом определялось обычной нехваткой денег на науку, административными препонами и волокитой. Тем не менее личная инициатива ряда известных отечественных ученых и глубокая научная и образовательная заинтересованность в появлении таких станций (в то время в России было уже 8 университетов), а также известная поддержка государства и частные пожертвования привели к хорошим результатам. Перед Первой мировой войной Россия обладала тремя биологическими морскими станциями: Севастопольской биологической станцией, открывшейся на побережье Черного моря в 1871 г., Зоологической станцией в Виллафранке на берегу Средиземного моря, близ Ниццы во Франции (1886), и самой северной морской биологической станцией в мире — Мурманской биологической станцией в Екатерининской гавани, на выходе из Кольского залива Баренцева моря (1899). Эта последняя станция, по сути, была основана на Белом море под эгидой Соловецкого монастыря в 1881 г. Н.П. Вагнером как «Биологическая станция Соловецкой обители»¹⁰⁵ (Фокин, 2006б, 2013; Фокин и др., 2006; Горяшко, 2022). В силу ряда ненаучных причин в 1899 г. станция была закрыта и перенесена на Мурман (Фокин и др., 2006; Дерюгин, 2010; Горяшко, 2022).

Таким образом, Николай Петрович был действительно основателем новой и в то время единственной в полярных широтах биологической станции, открывшей широкие перспективы для изучения морской биоты на севере Европы. Причем изначально предполагалось, что станция будет служить не только для научных изысканий, но «главным образом учебным пособием для студентов С.-Петербургского университета» (Вагнер, 1885а, с. 8). До второй половины XIX в. сведения о фауне Белого моря и Ледовитого океана были весьма скудны. Достойны упоминания лишь коллекции беломорских животных, собранные в 1837 и 1840 гг. академиком К.М. Бэр (1792–1876), а также результаты экспедиций 1841 г. Ф.И. Рупрехта (1814–1870) и 1842 г. А.Ф. Миддендорфа (1815–1894), способствовавшие появлению труда последнего о моллюсках северной России.

Возникший у Вагнера интерес к работе на Севере был понятен. Он был инспирирован как общей ситуацией в биологическом сообществе столицы, так и возникновением в предыдущие годы биологических станций на южных морях — Черном (Севастополь, 1871) и Средиземном (Неаполь, 1872). На Неаполитанской станции Николай Петрович уже работал в 1873–1874 гг., и все преимущества ста-

¹⁰⁵ Официальное согласие на открытие станции было получено от Священного Синода в 1882 г., хотя постройка (перестройка) дома под станцию была полностью закончена уже к лету 1881 г. (АМНЛ, фонд Н.П. Вагнера; Фокин, 2013), и только отсутствие денег и политическая обстановка в Санкт-Петербурге после убийства Александра II 01.03.1881 не позволили Вагнеру открыть станцию в 1881 г.

ционарной работы в хорошо организованной лаборатории на берегу моря были ему очевидны.

Систематические исследования Белого моря начались на рубеже 70-х гг. XIX в. В 1868 г. при ИСПБУ было основано СПБОЕ, которое и возглавило в то время естественнонаучные изыскания на Русском Севере¹⁰⁶. Уже в 1869 г. из Архангельска на изучение Беломорья отправилась первая экспедиция СПБОЕ из четырех человек. Среди них был Ф.Ф. Яржинский (1839–1908), который стал, по-видимому, первым ученым, собравшим обширные коллекции беломорских животных на Соловках, на Онежском, Терском, Поморском и Карельском берегах моря¹⁰⁷. Через 7 лет на Белом море впервые работала экспедиция под руководством Н.П. Вагнера. Фактически (в разном составе) экспедиция продолжалась в летние месяцы 1876, 1877 и 1880 гг. Именно в 1880 г. было решено организовать биологическую станцию на главном Соловецком острове — прямо напротив (через небольшой заливчик) от монастырской гостиницы, в которой все три сезона жили и работали приезжавшие биологи¹⁰⁸. Это решение было результатом успешного взаимодействия СПБОЕ в лице Н.П. Вагнера и монастырского начальства — настоятеля Соловецкого монастыря архимандрита Мелетия (1814–1893)¹⁰⁹. По просьбе работавших на Соловках в 1880 г. Л.С. Ценковского (1822–1887) и Н.П. Вагнера и по проекту последнего в 1881 г., выбранный под станцию дом («сельдиная изба») был надстроен вторым этажом, состоявшим из 8 комнат, и обставлен за счет монастыря необходимой мебелью¹¹⁰. Официальное открытие станции состоялось в июне 1882 г. (Протоколы..., 1882) (рис. 14).

На станцию приезжали прежде всего петербуржцы, а также московские, харьковские, варшавские, юрьевские и казанские ученые и студенты. Следует отметить, что, несмотря на отсутствие специальных занятий на станции со студентами, значительное их число посетило Соловки с целью ознакомления с морской фауной. Из-за малого числа помещений на станции и небольших технических возможностей одновременно жить и работать на станции могло лишь 8–10 человек, что определило сравнительно небольшой общий итог — Соловки вплоть до 1899 г. (время закрытия станции) посетило всего около 60 биологов (рис. 15).

¹⁰⁶ С 1895 г. Императорское СПБОЕ (ИСПБОЕ). И в этом случае активную роль в начале северных исследований сыграл президент Общества — проф. К.Ф. Кесслер.

¹⁰⁷ То есть вдоль всей береговой линии моря и в его центральной части.

¹⁰⁸ Сначала предполагалось использовать под станцию помещения маяка на острове Большой Жужмуй (Онежский залив Белого моря). Эта идея, однако, не имела успеха ввиду финансовых трудностей; далее архимандрит Соловецкого монастыря Феодосий предложил биологам достаточно удаленный от центральной усадьбы домик в Реболде, близ Анзерского пролива (подробно об этом см.: Фокин и др., 2006; Горяшко, 2022).

¹⁰⁹ Об этом незаурядном православном иерархе можно прочесть в обстоятельной статье Осипенко, Малаховой (2012). В пражском архиве Н.П. Вагнера хранится часть интересной переписки с архимандритом, опубликованной мною (Фокин, 2013). В 1888 г. за участие в создании морской биологической станции на Соловках архимандрит Мелетий был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени.

¹¹⁰ Подробное описание устройства станции и ее работы можно прочитать в воспоминаниях работавшего там в 1888 г. В.А. Фаусека (1913) и М.Н. Римского-Корсакова (2009), который был на Соловках в 1893 г. Краткое описание станции есть и в самой монографии (Вагнер, 1885а, с. 9–10).

Рис. 14. Соловки. Вид на монастырскую гостиницу (справа) и здание Биологической станции (в центре) со стороны Соловецкого монастыря. Начало XX в. Почтовая открытка. Из коллекции автора

Fig. 14. Solovki. View of the monastery hotel (right) and the building of the Biological station (center) from the Solovetsky Monastery. Early 20th century. Postcard. From the author's collection

Рис. 15. Группа студентов и преподавателей Зоотомического кабинета перед зданием Соловецкой биологической станции, 1892 г. Слева второй — Н.М. Книпович, третий — Д.Д. Педашенко. Архив автора

Fig. 15. Group of students and teachers of the Zootomical Cabinet in front of the building of Solovetskaya Biological Station. 1892. Second from the left: N.M. Knipovich; third, D.D. Pedashenko. From the author collection

Однако плоды их работы были внушительны. Это более 60 трудов, посвященных фауне и флоре Белого моря, среди которых такие крупные исследования, как «Беспозвоночные Белого моря» Вагнера (1885а) и «Наблюдения над фауной Белого моря» Шимкевича (1889)¹¹¹. По преимуществу это были фаунистические, морфолого-анатомические и эмбриологические исследования; было выполнено также несколько физиологических работ. Некоторые из них, в том числе и сама монография Вагнера, имели заметную экологическую составляющую¹¹². В знак благодарности за содействие в организации станции Петербургское и Харьковское общества естествоиспытателей избрали архимандрита Мелетия своим почетным членом.

Общий ход проведенных Вагнером беломорских исследований за период 1876–1882 г. был в деталях описан им в известной монографии «Беспозвоночные Белого моря» (1885а). Это был первый том, куда вошли, помимо общего описания места исследований с попыткой «гео-фаунистического» анализа, описания пути до Соловков из Петербурга и истории организации станции, лишь выборочные результаты изучения представителей фауны беспозвоночных животных исключительно Соловецкого залива. Книга включает подробное описание гидроидов и медуз, северного клиона и асцидий. Таким образом, только представители двух типов беспозвоночных и группы туникат — личинкохордовых (Urochordata, т. е. не беспозвоночных) нашли в книге достаточно подробный систематико-анатомический разбор. Как и в других случаях, название работы профессора было расширительным; оно не соответствует содержанию, ибо был исследован более-менее лишь Соловецкий залив с внутренними бухтами. В стиле того времени разбор объектов подавался с многочисленными отступлениями. Попытку автора связать образ жизни животных с их приспособленностью к определенным условиям среды и эволюцией рассматриваемых видов животных следует признать не слишком удачной. Как уже отмечалось ранее, эволюционные представления Вагнера были весьма туманными и не соотносились с уже успевшей завоевать признание дарвинистской/уоллесовской теорией происхождения видов. Безусловно, монографию украшают мастерски сделанные цветные и черно-белые рисунки изученных животных, но они не спасают от общего впечатления хаотичности и приблизительности многочисленных предположений, разбросанных в разных частях книги. Недаром, как уже отмечалось, участник поездки на Белое море с Н.П. Вагнером в 1887 г. (т. е. два года спустя после опубликования монографии Вагнера!) Н.М. Книпович писал: «Знакомство с фауной Н.П. Вагнера, стоявшего во главе экскурсии, было очень одностороннее и поверхностное, а главное — известный запас знаний, которыми он обладал, был перепутан с самыми необузданными фантазиями» (Книпович, 2011, с. 178). Это был последний приезд профессора на Соловки.

На некоторых очевидных ошибках автора монографии я здесь не буду останавливаться, их отмечали уже и современники профессора. Второй том книги так никогда и не появился, хотя, безусловно, материал для него у Вагнера был (рис. 16).

¹¹¹ Докторская диссертация В.М. Шимкевича.

¹¹² Вагнер был хорошо знаком с К.Ф. Рулье, который считается зачинателем экологии в России.

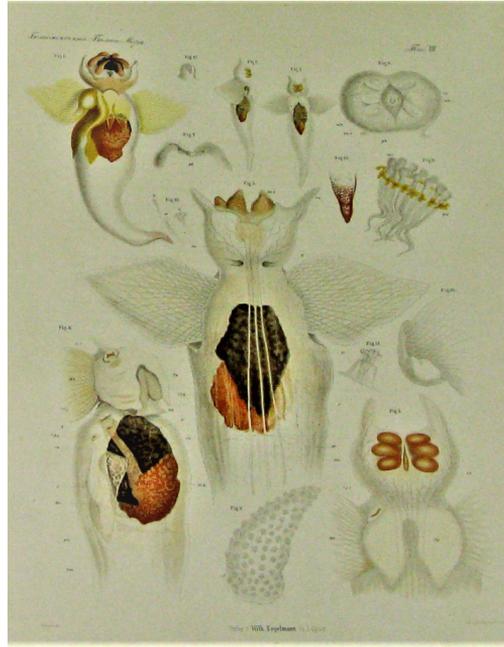

Рис. 16. Таблица иллюстраций к монографии Вагнера (1885) (*Clione limacina*)

Fig. 16. Table of illustrations (*Clione limacina*) from Wagner's monograph (1885a)

Понятно, что помимо научной стороны дела Николая Петровича и как художника, и как литератора пленяла соловецкая природа. Некоторые ненаучные описания в книге, безусловно, надо признать очень удачными и даже поэтическими:

Не один раз, в тихий, солнечный день я просиживал, не замечая времени, на каменистом берегу этого залива [Соловецкого залива. — *Прим. С.Ф.*], забыв о морской экскурсии и наслаждаясь тишиной широкого морского побережья, запахом морской свежести и необыкновенно красивой картиной, которую представляли прибрежные камни, покрытые шапками ярко-зеленых или желтоватых водорослей, тихо, едва заметно качавшихся в прозрачной, как хрусталь, морской воде (Вагнер, 1885а, с. 48).

Некоторую «житейскую» тягу своего патрона к тихой монастырской жизни в обрамлении первозданной северной природы отмечал и В.М. Шимкевич, сопровождавший Вагнера в экскурсии на Соловки в 1886 г.¹¹³:

Н.П. Вагнер любил Соловки, любил тамшний рыбный стол (он не ел мяса вообще), любил всю монастырскую обстановку. <...> Н.П. Вагнер работал усердно [в 1886 г. — *Прим. С.Ф.*], иногда ездил с нами в море, но недалеко, особенно после того, как я раз его чуть не утопил, слишком самонадеянно взявшись управлять парусами, чуть ли не в первый раз в жизни. Совместная поездка нас не сблизила, однако и вообще с ним трудно было сблизиться: слиш-

¹¹³ В справке, составленной Вагнером для «Биографического словаря писателей и ученых» С.А. Венгерова, этот год почему-то отсутствует.

ком он был своеобразный человек и не только по взглядам, но и по манере себя держать. Он никогда почти не вступал в споры, а чуть что — сейчас же умолкал и прятался в свою старческую раковину (Шимкевич, 1908, с. 12–13) (рис. 17).

Рис. 17. В.М. Шимкевич. С.-Петербург, 1886. Архив автора
Fig. 17. V.M. Shimkevich, St. Petersburg, 1886. The author's collection

Если опубликованная по соловецким материалам 1876–1882 гг. монография Вагнера с научной точки зрения в значительной своей части давно потеряла актуальность, то сама Соловецкая станция, активно просуществовавшая всего 17 лет, безусловно, должна быть признана одним из главных научно-административных достижений карьеры Николая Петровича. Фактически она дала толчок к созданию в регионе нескольких морских биологических центров (Фокин, 2006б; Фокин и др., 2006; Горяшко, 2022) и послужила основой продолжающегося до сих пор изучения биоты Белого моря. Имя Вагнера как пионера полярных морских исследований прочно вписано в историю биологии. К существенным вкладам в науку Н.П. Вагнера также надо отнести открытие им педагенеза у некоторых личинок двукрылых и пионерские работы по экспериментальной энтомологии, хотя последние с точки зрения постановки экспериментов и вызывают ряд безответных вопросов.

В целом следует признать, что петербургский период (профессорство Н.П. Вагнера в ИСПБУ), а именно заведование им Зоотомическим кабинетом столичного университета, не принес тех выгод для университетской науки, на которые рассчитывал К.Ф. Кесслер, приглашая Николая Петровича в Санкт-Петербург. В то же время приглашение профессором Вагнером в ИСПБУ молодого зоолога В.М. Шимкевича сослужило хорошую службу и Петербургскому (Петроградскому) университету как структуре высшего образования, и развитию в нем системы преподавания зоологических дисциплин, и подготовке высокопрофессиональных кадров зоологов нескольких поколений.

Результатам деятельности профессора Вагнера как литератора и спирита, а также судьбе его прямых учеников и потомков будет посвящена вторая часть этой статьи (готовится к публикации в следующем номере).

Литература

Алтаев А. Памятные встречи. М.: Советский писатель, 1959. 412 с.

Беньковская Т.Е. Н.П. Вагнер // История литературы Урала. XIX век / Под редакцией Е.К. Созиной. Кн. 2. 2-е изд. Гл. 10. Развитие литературы региона во второй половине XIX века. М.: Изд. дом ЯСК, 2020. С. 942–953.

Белов С.Б. Достоевский Ф.М. Письма Достоевского к Н.П. Вагнеру (1875–1877) // Советские архивы. 1969. № 2. С. 112–114.

Бессонов М. 2012. Три поколения Вагнеров — медиков, ученых, писателей и художников // Вестник истории Верхотурского уезда. Верхотурье. 2012. Вып. 3. С. 274–280.

Борьба за науку в царской России: неизданные письма И.М. Сеченова, И.И. Мечникова, Л.С. Ценковского, В.О. Ковалевского, С.Н. Виноградского, М.М. Ковалевского и других: 4 портрета. М. — Л.: Гос. соц-экон. изд-во, 1931. 224 с.

Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Вагнеры // Энциклопедический словарь. 1891. Т. 5. С. 340–349.

Вагнер Н. Самопроизвольное размножение гусениц у насекомых. Казань: Казанский ун-т, 1862. 50 с.

Вагнер Н.П. Лекции по Зоологии. СПб.: Литография Штейне, 1877. 254 с.

Вагнер Н.П. Дополнительная статья // Уоллес А. Естественный подбор / Перевод под ред. и дополнительная статья Н.П. Вагнера. СПб.: Тип. Сушинского, 1878. С. 447–463.

Вагнер Н.П. Беспозвоночные Белого моря. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1885а. 218 с.

Вагнер Н.П. История развития царства животных. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1885б. 284 с.

Вагнер Н.П. История развития царства животных. Курс филогенетический зоологии. Т. 1. 2-е изд. СПб., 1887. 245 с.

Вагнер Н.П. Воспоминание об Александре Михайловиче Бутлере / Бутлеров А.М. Статьи по медиумизму. СПб.: Тип. В. Демакова, 1889. С. I–LXVII.

Вагнер Н.П. «Как я сделался писателем?» (Нечто вроде исповеди) // Русская школа. 1892. № 1. С. 26–38.

Валиев М.Е., Заднепровская А.Ю. Вагнеры — от аптечной стойки до генерала флота // Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. XVIII–XX вв. 2015. Вып. 9. СПб. С. 193–211.

Голицын Н.Н. История русского законодательства о евреях. Соч. кн. Н.Н. Голицына. Т. 1. СПб.: Тип. Мин. внутр. дел, 1886. 1117 с.

Горяшко А. Острова блаженных. История биологических станций Белого и Баренцева морей. М.: Паулсен, 2022. 430 с.

Давыдова Л. О Надежде и ее сбывшейся мечте // Русское слово (Прага). 2022. № 2. С. 28–31.

Дерюгин К.М. Путешествие в Соловки, по Мурманскому берегу из Колы в Кандалакшу через Лапландию, 1899. Подготовка текста и комментарии Н.А. Горяшко и С.И. Фокина // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 2. С. 67–91.

Достоевский Ф.М. Из дачных прогулок Козьмы Прутков и его друга. I. Тритон // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. Т. 12. СПб.: Наука, 1994. С. 213–216.

Достоевский Ф.М., Достоевская А.Г. Переписка. Литературные памятники. Л.: Наука, 1976. 482 с.

Дудаков С.Я. Злой сказочник. История одного мифа // Очерки русской литературы XIX–XX вв. М.: Наука, 1993. С. 242–260.

Загоскин Н.П. Деятели Императорского Казанского университета. 1805–1900: Опыт критико-биографического словаря. Казань: Тип. Имп. Казанского ун-та, 1900. 179 с.

Книпович Н.М. 2011. Автобиография // Зоотомический кабинет (кафедра зоологии беспозвоночных) Санкт-Петербургского университета. К 140-летию основания / С.И. Фокин (ред.). М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011. С. 177–179.

Корбут М. Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за сто двадцать пять лет 1804/05–1929/30. Т. 1. Казань: изд-во Госуниверситета им. В.И. Ульянова-Ленина, 1931. 209 с.

Мечников И.И. Письма (1863–1916) / Под ред. И.И. Гайсинович, Б.В. Левшина. М.: Наука, 1974. 296 с.

Мильдон В.И. Вагнер Николай Петрович // Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь / Гл. ред. П.А. Николаев. Т. 1: А — Г. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 385–386.

Надсон С.Я. Дневники. М.: Захаров, 2003. 271 с.

Никольский А.М. Из воспоминаний зоолога Александра Михайловича Никольского. (публикация Б.Е. Райкова) // Из истории биологических наук. Вып. 1. М. — Л.: Наука, 1966. С. 79–108.

Осипенко М.В., Малахова И.В. Подвижники благочестия Соловецкого монастыря: Архимандрит Мелетий (1814–1893) // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Архангельск. 2011. Вып. 11. С. 147–159.

Письма А.О. Ковалевского к И.И. Мечникову (1866–1900). М. — Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 311 с.

Протоколы Совета Санкт-Петербургского Императорского университета за 1869–1870 академический год. № 5. СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1870.

Протоколы Совета Санкт-Петербургского Императорского университета за 1881–1882 академический год. № 25. СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1882.

Протоколы Совета Санкт-Петербургского Императорского университета за 1883–1884 академический год. № 29. СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1884.

Римский-Корсаков М.Н. Зоологические воспоминания. Сост., вступ. статья и коммент. С.И. Фокина // Историко-биологические исследования. 2009. Т. 1. № 1. С. 108–136.

Фаусек В.А. Биологические этюды. СПб.: Тип. Брокгауз-Эфрон, 1913. С. 380–412.

Фаусек Ю.И. Бестужевские курсы, работа, встречи // Зоотомический кабинет (кафедра зоологии беспозвоночных) Санкт-Петербургского университета. К 140-летию основания / Под ред. С.И. Фокина. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011. С. 180–191.

Филипченко Ю.А. История Зоотомического кабинета и кафедры Зоологии беспозвоночных (1871–1918) // Зоотомический кабинет (кафедра зоологии беспозвоночных) Санкт-Петербургского университета. К 140-летию основания / Под ред. С.И. Фокина. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011. С. 86–118.

Фокин С.И. Н.П. Вагнер // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. Девятнадцатый век. Кн. 1. СПб.: Филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-та, 2003. С. 453–454.

Фокин С.И. Русские ученые в Неаполе. СПб., Алетейя, 2006а. 378 с.

Фокин С.И. Соловецкая биологическая станция Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. 125 лет со дня основания // Санкт-Петербургский университет. 2006б. № 19 (3742). С. 29–32.

Фокин С.И. Валентин Александрович Догель. Его время, окружение и путешествия // Ваш любящий Валя. Валентин Александрович Догель (1882–1955). Письма домой / Под ред. С.И. Фокина. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2007а. С. 23–65.

Фокин С.И. Память живет в веках. 1. Санкт-Петербургский университет // Санкт-Петербургский университет. 2007б. № 15 (3763). С. 25–31.

Фокин С.И. «В поисках утраченного времени». Архив члена-корреспондента ИСПБАН Н.П. Вагнера (1829–1907) // Наука и техника: вопросы истории и теории: тезисы XXX Годиной межд. конф. отд. Комитета по истории и философии науки и техники РАН. СПб., 2009. С. 156–157.

Фокин С.И. Неизвестная переписка А.О. Ковалевского и И.И. Мечникова с Н.П. Вагнером // Чарльз Дарвин и современная биология. Труды Международной научной конференции 21–23 сентября 2009. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 619–625.

Фокин С.И. Люди и коллекция Зоотомического кабинета Императорского Санкт-Петербургского университета // Зоотомический кабинет (кафедра зоологии беспозвоночных) Санкт-Петербургского университета. К 140-летию основания / Под ред. С.И. Фокина. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011а. С. 12–42.

Фокин С.И. Н.П. Вагнер // Зоотомический кабинет (кафедра зоологии беспозвоночных) Санкт-Петербургского университета. К 140-летию основания / Под ред. С.И. Фокина. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011б. С. 137–140.

Фокин С.И. Юлия Ивановна Фаусек (Андрусова). Воспоминания // Историко-биологические исследования, 2011в. Т. 3. № 4. С. 90–124.

Фокин С.И. Звенья одной цепи. Родственники и архив зоолога Н.П. Вагнера в Чехословакии // Русская акция помощи в Чехословакии. История, значение, наследие. К 90-летию начала Русской акции помощи в Чехословакии. Прага, 2012. С. 309–316.

Фокин С.И. Биологическая станция Соловецкой обители // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Архангельск, 2013. № 12. С. 57–71.

Фокин С.И. Отечественные зоологи-эмигранты первой волны // Берега. 2015. Вып. 19. С. 54–89.

Фокин С.И. Рукописи не горят? Судьба архивов члена-корреспондента Санкт-Петербургской Академии наук Н.П. Вагнера, профессора С.С. Чахотина и академика Академии наук СССР А.А. Заварзина // Берега. 2017а. № 21. С. 53–60.

Фокин С.И. С Уральских гор до Праги. Вагнеры: история трех поколений. Часть I. Человек с зелено-серыми глазами // Русское слово (Прага). 2017б. № 2. С. 34–39.

Фокин С.И. С Уральских гор до Праги. Вагнеры: история трех поколений. Часть II. Братья по крови // Русское слово (Прага). 2017в. № 3. С. 24–29.

Фокин С.И. Неисповедимые пути. Дороги российской научной эмиграции. Сербия и Чехословакия // Русское слово (Прага). 2018. № 11. С. 32–37.

Фокин С.И. Бег времени неумолимый. Юрий Иванович Полянский (1904–1993) глазами ученика, коллеги, историка науки // Историко-биологические исследования. 2019. № 4. С. 9–45.

Фокин С.И. Н.П. Вагнер. Воспоминания о Казанском университете. Николай Петрович Вагнер — растроченные таланты? // Историко-биологические исследования. 2021а. Т. 13. № 1 С. 112–137.

Фокин С.И. Незабываемая жизнь. Владимир Тимофеевич Шевяков (1859–1930). Научная биография. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021б. 403 с.

Фокин С.И., Смирнов А.В., Лайус Ю.А. Морские биологические станции на Русском Севере. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. 130 с.

Фокин С.И., Захаров-Гезехус И.А. Юрий Александрович Филипченко и его окружение. К 100-летию кафедры генетики и экспериментальной зоологии, организованной в Петроградском университете. СПб.: Изд. СПбГУ, 2019. 335 с.

Харчев В. Жил-был Кот-Мурлыка (Н.П. Вагнер) // Нижегородская Атлантида: литературоведческие очерки. Ниж. Новгород, 2000. С. 92–94.

Шимкевич В.М. Современная летопись. Н.П. Вагнер и Н.Н. Полежаев (из воспоминаний зоолога) // Журнал министерства народного просвещения. 1908. Нов. Сер. Т. 16. № 7. Отд. 4. С. 1–18.

Широков В.А. Вступительная статья «Русский Андерсен» // Вагнер Н.П. Сказки Кота-Мурлыки. М.: Правда, 1991. С. 5–14.

Ясинский И.И. Роман моей жизни. Книга воспоминаний. Т. I. М.: 2010. С. 472–478.

Fokin S.I. Wagner // Russian Scientists at the Naples Zoological Station 1874–1934 / Eds. S.I. Fokin, C. Groeben. Napoli: Giannini Editore, 2008. 242 p.

Fokin S.I. Zoologist Juliy Nikolaevitch Wagner: Naples — St. Petersburg — Kiev — Belgrade // A distant accord. Russian-Serbian links in the fields of science, humanities and evolution: the 19th — the first part of the 20th century. Liceum 13. Kragujevac. St. Petersburg, 2009. P. 149–166.

Fokin S.I. Konstantin Sergeevitch Merezhkovsky (1855–1921) — the protistologist who discovered the origin of eukaryotic cells // Protistology. 2021. 15 (1). P. 41–45.

Fokin S.I. The Roads of Russian Emigrant Zoologists // In Foreign Lands: The Migration of Scientists for Political or Economic Reasons / Eds. M.T. Borgato, Ch. Phili. Cham: Birkhäuser, Springer Nature Switzerland AG, 2022. P. 263–290.

Kautman F. Neznámé dopisy Fijodora Michajloviče Dostojevského // Sborník Národního muzea v Praze. Praha. 1962. № 7 (4). P. 220–223.

Wagner N. Influence de l'électricité sur la formation des pigments et sur la forme des ailes chez les Papillons // Comptes rendus de l'Académie des Sciences. 1865. Vol. 61 (4). P. 170–172.

Nikolai Petrovitch Wagner: the life and hypostases of a talented person.

I. A journey into science and in science

SERGEI I. FOKIN

Department of Biology, Protistology-Zoology Unit, University of Pisa, 56126 Pisa, Italy;
sifokin@mail.ru

This article is the first part of an attempt at a detailed reconstruction of the life of Prof. N.P. Wagner (1829–1907), a prominent Russian zoologist and writer of the 2nd half of the 19th century, professor at the Imperial Kazan (1860–1870) and Imperial St. Petersburg (1871–1894) Universities, and at the end of his life, corresponding member of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences (1898). As a scientist, he had published more than 80 scientific and popular science works, including a zoological monograph devoted to the White Sea fauna, a couple of textbooks, and a book about animal life. His best known scientific works are the discovery of paedogenesis in the Diptera (Cecidomyiidae) (1862) and his monographic description of some invertebrates and lower chordates of the Solovetsky Bay in the White Sea (1885). Wagner was one of the first researchers into the invertebrate fauna of the White Sea and a founder of the marine biological station (1881–1882) on the Main Island of Solovki, the first biological station in the high latitudes, which is regarded as one his biggest contributions to science. Wagner had also conducted his studies in the Mediterranean (Messina, Villafranca, Naples) and on the Black Sea. Unfortunately, in the second half of the 1880s, his literary work and — above all — his fascination with spiritism since early 1870s led the professor to abandon his research and, later, his teaching activities. These nonscientific hypostases of the scientist will be discussed in the second part of this article. The text of the present first part is based on Wagner's own published recollections, on the abundant materials concerning Wagner, published in the last 115 years, and on the archival materials — primarily, from his archive in Prague, still underused by the historians of science. The text is illustrated with rare photographs from the Archive of the Museum of National Literature, Prague (Czech Republic), Department of Invertebrate Zoology (St. Petersburg State University, Russia), and the family archives of Wagner's descendants (Moscow and St. Petersburg).

Keywords: Bogoslovsky Zavod (Plant), Kazan University, zoology, marine research, N.P. Wagner, St. Petersburg University, family, entomology.

References

- Altaev, A. (1959). *Pamyatnie vstrechi* [Memorable encounters]. Moscow: Sovetsky pisatel. 412 p. (in Russian).
- Ben'kovskaya, T.E. (2020). *N.P. Wagner* [N.P. Wagner]. In: *Istoriya literatury Urala. XIX vek. Kniga 2. Vtoroe isdanie. Gl. 10. Razvitie literatury regiona vo vtoroy polovine XIX veka* [Sozin (Ed.). History of literature of the Urals. 19 century. Chapter 10. The development of literature in the region in the second half of the 19th century]. Moscow: Isd. dom YaSK, pp. 942–953 (in Russian).
- Belov, S.B. (1969). Dostoevsky F.M. Pisma Dostoevskogo k N.P. Wagneru (1875–1877) [Dostoevsky F.M. Dostoevsky's letters to N.P. Wagner (1875–1877)], *Sovetskie arkhivi*, 2, 112–114 (in Russian).
- Bessonov, M. (2012). Tri pokoleniya Wagnerov — medikov, uchenykh, pisateley i khudozhnikov [Three generations of Wagners: physicians, scientists, writers, and painters], *Vestnik istorii Verkhotur'skogo uezda*, 3, 274–280 (in Russian).
- Borba za nauku v zarskoi Rossii: Neizdannye pisma I.M. Sechenova, I.I. Metschikova, L.S. Tsenkovskogo, V.O. Kovalevskogo, S.N. Vinogradskogo, M.M. Kovalevskogo i drugikh* (1931). [The struggle for science in Tsarist Russia. Unpublished letters of I.M. Sechenov, I.I. Mechnikov, L.S. Tsenkovskii, V.O. Kovalevskii, S.N. Vinogradskiy, M.M. Kovalevskii and others]. Moscow; Leningrad: gos. soc.-ekonom. isd-vo. 224 p. (in Russian).
- Brokhaus, F.A., Efron, I.A. (1891). *Wagneri* [Wagners], *Enciklopedicheskiy slovar*. 5, pp. 340–349 (in Russian).
- Davydova, L. (2022). O Nadezde i ee sbvysheisya mechte [About Nadezhda and her dream come true], *Russkoye slovo* (Prague), 2, 28–31 (in Russian).
- Deryugin, K.M. (2010). Puteshestvie v Solovki, po Murmanskomu beregu is Koly v Kandalakshu cherez Laplandiu, 1899 [Journey to Solovki, along the Murmansk coast from Kola to Kandalaksha via Lapland, 1899], *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*, 2(2), 67–91 (in Russian with English summary).
- Dostoevsky, F.M. (1994). *Is dachnykh progulok Kozmy Prutkova i ego druga. I. Triton* [From country walks of Kozma Prutkov and his friend. I. Triton]. Collected works. S.-Petersburg: Nauka. Vol. 12, pp. 213–216 (in Russian).
- Dostoevsky, F.M., Dostoevskaya, A.G. (1976). *Perepiska* [Correspondence]. Literaturnye pamyatniki. Leningrad: Nauka. 482 p. (in Russian).
- Dudakov, S.J. (1993). Zloy skazochnik Istoriya odnogo mifa [An evil storyteller. The history of a myth]. In: *Ocherki russkoy literatury XIX–XX vv.* [The essays on Russian literature of the 19th and 20th centuries]. Moscow: Nauka, pp. 242–260 (in Russian).
- Fausek, V.A. (1913). *Biologicheskie etudi* [Biological sketches]. S.-Petersburg: Tip. Brokhaus-Efron, pp. 380–412 (in Russian).
- Fausek, Yu.I. (2011). *Bestuzhevskie kursy, rabota, vstrechi* [Bestuzhev courses, work, encounters]. In: *Zootomicheskii kabinet (kafedra zoologii bespozvonochnykh) Sankt-Peterburgskogo universiteta. K 140-letiu osnovaniya. Fokin S.I. (red.). [S.I. Fokin (Ed.). Zootomic cabinet (Department of Invertebrate Zoology) of St. Petersburg University: Towards the 140th anniversary of its foundation]*. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, pp. 180–191 (in Russian).
- Fokin, S.I. (2003). *N.P. Wagner* [N.P. Wagner]. In: *Tri veka Sankt-Peterburga. Enciklopediya Devyatnadcaty veka. Kn. 1* (Three centuries of St. Petersburg. Encyclopaedia. Nineteenth century. Book 1). St. Petersburg: Fil. fak-t, SPbGU, pp. 453–454 (in Russian).
- Fokin, S.I. (2006a). *Russkie uchenye v Neapole* [Russian scientists in Naples]. St.-Petersburg: Aleteya, 378 p. (in Russian).

Fokin, S.I. (2006b). Solovetskaya biologicheskaya stantsiya Sankt-Peterburgskogo obshchestva estestvoispytateley. 125 let so dnya osnovaniya [Solovetskaya Biological Station of the St. Petersburg Society of Naturalists. 125 years since its foundation], *Sankt-Peterburgskiy universitet*, 19 (3742), 29–32 (in Russian).

Fokin, S.I. (2007a). *Valentin Aleksandrovich Dogel. Ego vremya, okruzhenie i puteshestviya* [Valentin Alexandrovich Dogel. His time, milieu and travels]. In: Fokin S.I. (red.) *Vash lubyshchii Valya. Valentin Aleksandrovich Dogel (1882–1955). Pisma domoy* [S.I. Fokin (Ed.). Your loving Valya. Valentin Aleksandrovich Dogel (1882–1955). Letters home]. Moscow: Tovariizestvo nauchnih isdaniy KMK, pp. 23–65 (in Russian).

Fokin, S.I. (2007b). Panyat zhivut v vekah. 1. Sankt-Peterburgskiy universitet [Memory lives on for centuries. 1. St. Petersburg University], *Sankt-Peterburgskiy Universitet*, 15 (3763), 25–31 (in Russian).

Fokin, S.I. (2008). *N.P. Wagner*. In: Fokin S.I., Groeben C. (Eds.). *Russian Scientists at the Naples Zoological Station 1874–1934*. Napoli: Giannini Editore. 242 p.

Fokin, S.I. (2009a). “V poiskakh utrachennogo vremeni”. Archiv chlena-korrespondenta ISPbAN N.P. Wagnera (1829–1907). [“In Search of Lost Time”. Archive of Corresponding Member of the ISPbAN N.P. Wagner (1829–1907)]. In: *Nauka i tekhnika: voprosy istorii i teorii* (tesisy XXX Godichnoi mez. konf. SPb. otd. Komiteta po istorii i filosofii nauki i tekhniki RAN [Science and technology: historical and theoretical issues (abstracts of XXX annual international conference of St. Petersburg branch of the RAS Committee on the history and philosophy of science and technology)]. St. Peterburg, pp. 156–157 (in Russian).

Fokin, S.I. (2010). Neizvestnaya perepiska A.O. Kowalevskogo i I.I. Metschnikova s N.P. Wagnerom [Unknown correspondence of A.O. Kovalevsky and I.I. Mechnikov with N.P. Wagner]. In: *Charlz Darvin i sovremennaya biologiya*. Trudi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 21–23 sentyabrya 2009. [Charles Darwin and contemporary biology. Proceedings of the international scientific conference, September 21–23, 2009]. S.-Petersburg: Nestor-Istoria, pp. 619–625 (in Russian with English summary).

Fokin, S.I. (2011a). Ludi i kollektsii Zootomicheskogo kabineta Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta [People and collections of the Zootomic Cabinet of the Imperial St. Petersburg University]. In: *Zootomicheskii kabinet (kafedra zoologii bespozvonochnykh) Sankt-Peterburgskogo universiteta. K 140-letiu osnovaniya*. S.I. Fokin (red.). [S.I. Fokin (Ed.). *Zootomic cabinet (Department of Invertebrate Zoology) of St. Petersburg University: Towards the 140th anniversary of its foundation*]. Moscow: Tovariizhestvo nauchnykh izdaniy KMK, pp. 12–42 (in Russian).

Fokin, S.I. (2011b). *N.P. Wagner* [N.P. Wagner]. In: *Zootomicheskii kabinet (kafedra zoologii bespozvonochnykh) Sankt-Peterburgskogo universiteta. K 140-letiu osnovaniya*. S.I. Fokin (red.) [S.I. Fokin (Ed.). *Zootomic cabinet (Department of Invertebrate Zoology) of St. Petersburg University: Towards the 140th anniversary of its foundation*]. Moscow: Tovariizhestvo nauchnykh izdaniy KMK, pp. 137–140 (in Russian).

Fokin, S.I. (2011c). Yulia Ivanovna Fausek (Andrusova). Vospominaniya [Yulia Ivanovna Fausek (Andrusova). Memoirs], *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*, 3 (4), 90–124 (in Russian with English summary).

Fokin, S.I. (2012). *Zvenya odnoi tsepi. Rodstvenniki i archiv zoologa N.P. Wagnera v Chekhoslovakii* [Links of the same chain. Relatives and archive of zoologist N.P. Wagner in Czechoslovakia]. In: *Russkaya aktsiya pomoshchi v Chehoslovakii. Istoriya, znachenie, nasledie. K 90-letiu nachala Russkoy aktsii pomoshchi v Chehoslovakii*. [Russian Aid Action in Czechoslovakia. History, role, legacy. Towards 90th anniversary of the beginning of Russian Aid Action in Czechoslovakia] Prague: Russkaya traditsiya, pp. 309–316 (in Russian with Czech summary).

Fokin, S.I. (2013). Biologicheskaya stantsiya Solovetskoj obiteli [Biological station of the Solovetsky Monastery], *Solovetskoe more: Istoriko-literaturniy almanakh*, 12, 57–71 (in Russian).

Fokin S.I. (2015) Otechestvennie zoologi-emigranti pervoi volni [Russian zoologists — the first wave emigrants], *Berega*, 19, 54–89 (in Russian).

Fokin, S.I. (2017a). Rukopisi ne goryat? Sudba arkhivov chlen-korrespondenta Sankt-Peterbergskoy Akademii nauk N.P. Wagnera, professora S.S. Chahotina i akademika Akademii nauk SSSR A.A. Zavarzina [Manuscripts don't burn? The fate of the archives of Corresponding Member of the St. Petersburg Academy of Sciences N.P. Wagner, Professor S.S. Chakhotin and Academician of the USSR Academy of Sciences A.A. Zavarzin], *Berega*, 21, 53–60 (in Russian).

Fokin, S.I. (2017b). S Uralskikh gor do Pragi. Wagnery: istoria trekh pokoleniy. Chast I. Chelovek s zeleno-serymi glasami [From the Ural Mountains to Prague. Wagners: The history of three generations. Part I. A man with green-gray eyes], *Russkoye slovo* (Praga), 2, 34–39 (in Russian).

Fokin, S.I. (2017c). S Uralskikh gor do Pragi. Wagnery: istoria trekh pokoleniy. Chast II. Bratya po krovi [From the Ural Mountains to Prague. Wagners: The story of three generations. II. Blood brothers], *Russkoye slovo* (Praga), 3, 24–29 (in Russian).

Fokin, S.I. (2018). Neispovedimye puti. Dorogi rossiyskoi nauchnoy emigratsii. Serbiya i Chexhoslovakiya [Unfathomable paths. The roads of Russian scientific emigration. Serbia and Czechoslovakia], *Russkoye slovo* (Praga), 11, 32–37 (in Russian).

Fokin, S.I. (2019). Beg vremeni neumolimy. Yuriy Ivanovich Polyanskiy (1904–1993) glazami uchenika, kollegi, istorika nauki [The running of time is relentless. Yuri Ivanovich Polyanskiy (1904–1993) through the eyes of a student, colleague, historian of science], *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*, 4, 9–45 (in Russian with English summary).

Fokin, S.I. (2021a). N.P. Wagner. Vospominaniya o Kazanskom universitete. Nikolay Petrovich Wagner — rastrachennye talanti? [N.P. Wagner. Memories of Kazan University. Nikolai Petrovich Wagner — wasted talents?], *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*, 13 (1), 112–137 (In Russian with English summary).

Fokin, S.I. (2021b). *Nezabytaya zisn. Vladimir Timofeevich Shevyakov (1859–1930). Nauchnaya biografiya* [Unforgotten life. Wladimir Timofeevitch Schewiakoff (1859–1930). Scientific biography]. Moscow: Tovarishchestvo nauchnih isdaniy KMK, 403 p. (in Russian with English summary).

Fokin, S.I. (2021c). Konstantin Sergeevitch Merezhkovsky (1855–1921) — the protistologist who discovered the origin of eukaryotic cells. *Protistology*, 15 (1), 41–45.

Fokin, S.I. (2022). *The Roads of Russian Emigrant Zoologists*. In: M.T. Borgato and Ch. Philli (Eds.). In Foreign Lands: The Migration of Scientists for Political or Economic Reasons. Cham: Birkhäuser, Springer Nature Switzerland AG, pp. 263–290.

Fokin, S.I., Smirnov, A.V., Layus, Yu.A. (2006). *Morskie biologicheskie stantsii na Russkom Severe (1881–1938)* [Marine Biological Stations in the Russian North (1881–1938)]. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh isdaniy KMK, 130 p. (in Russian with English summary).

Fokin, S.I., Zakharov-Gesekhus, I.A. (2019). Yuriy Aleksandrovich Filipchenko i ego okruzenie. K 100-letiu kafedri genetiki i eksperimentalnoy zoologii, jrganizovanniy v Petrogradskom universitete [Yuri Alexandrovich Filipchenko and his milieu. Towards the centenary of the Department of Genetics and Experimental Zoology, organized at Petrograd University]. S.-Peterburg: Izd. SPbGU. 335 p. (in Russian with English summary).

Golitsyn, N.N. (1886). *Istoriya russkogo zakonodatelstva o evreyah* [History of Russian legislation on the Jews]. Soch. kn. N.N. Golitzina. T. 1 [Prince N.N. Golitsyn's works. Vol. 1]. S.-Peterburg: Tip. Min. vnutr. del, 1117 p. (in Russian).

Goryashko, A. (2022). *Ostrova blazhennykh. Istoria biologicheskikh stantsiy Belogo i Barentseva morey*. [Islands of the Blessed. History of biological stations on the White and Barents Seas]. Moscow: Paulson, 430 p. (in Russian).

Kharchev, V. (2000). *Zhil-byl Kot-Murlyka (N.P. Wagner)* [Once upon a time there lived Kot-Murlyka (N.P. Wagner)]. Nizhegorodskaya Atlantida: literaturovedcheskie ocherki. N. Novgorod, pp. 92–94 (in Russian).

Kautman, F. (1962). Neznámé dopisy Fijodora Michajloviče Dostojevského. *Sborník Národního muzea v Praze*, 7 (4), 220–223.

Knipovich, N.M. (2011). *Avtobiografiya* [Autobiography]. In: Zootomicheskii kabinet (kafedra zoologii bespozvonochnykh) Sankt-Peterburgskogo universiteta. K 140-letiu osnovaniya. S.I. Fokin

(red.) [S.I. Fokin (Ed.). *Zootomic cabinet (Department of Invertebrate Zoology) of St. Petersburg University: Towards the 140th anniversary of its foundation*]. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, pp. 177–179 (in Russian).

Korbut, M. (1931). *Kazanskiy gosudarstvennyi universitet imeni V.I. Ulyanova-Lenina za 125 let* [V.I. Ulyanov-Lenin Kazan State University during 125 years 1804/05–1929/30]. 1804/05–1929/30. Kazan: Izd-vo Gosuniversiteta im. V.I. Ulyanova-Lenina, 1, 209 p. (in Russian).

Metschnikoff, I.I. (1974). *Pisma* [Letters] (1863–1916). I.I. Gaisinovich, B.V. Levshina (eds.). Moscow: Izd. Nauka, 296 p. (in Russian).

Mildon, V.I. (1989). *Wagner Nikolay Petrovich* [Wagner, Nikolai Petrovitch]. In: *Russkie pisateli. 1800–1917: biograficheskiy slovar. V. 1*. P.A. Nikolaev (red.) [P.A. Nikolaev (Ed.). *Russian writers. 1800–1917: biographic dictionary. V. 1*]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, pp. 385–386 (in Russian).

Nadson, S.Ya. (2003). *Dnevniki* [Diaries]. Moscow: Zacharov, 271 p. (in Russian).

Nikolskiy, A.M. (1966). *Iz vospominaniy zoologa Aleksandra Mikhailovicha Nikolskogo* (Publikatsia B.E. Raikova) [From the memoirs of zoologist Alexander Mikhailovitch Nikolsky (Publication by B.E. Raikov)]. In: *Iz istorii biologicheskikh nauk*. Vypusk 1. Moscow — Leningrad: Nauka, pp. 79–108 (in Russian).

Osipenko, M.V., Malakhova, I.V. (2012). *Podvizhniki blagochestiya Solovetskogo monastyrya: Arkhimandrit Meletii (1814–1893)* [Zealots of Piety of the Solovetsky Monastery: Archimandrite Meletius]. In: *Solovetskoe more: Istoriko-literaturnyy almanakh*. Iss. 11, 147–159 (in Russian).

Filipchenko, Yu.A. (2011). *Istoriya Zootomicheskogo kabineta i kafedri zoologii bespozvonochnykh* [History of Zootomic Cabinet and Department of Invertebrate Zoology]. (1871–1918). In: *Zootomicheskyy kabinet (kafedra zoologii bespozvonochnykh) Sankt-Peterburgskogo universiteta. K 140-letiu osnovaniya*. S.I. Fokin (red.) [S.I. Fokin (Ed.). *Zootomic cabinet (Department of Invertebrate Zoology) of St. Petersburg University: Towards the 140th anniversary of its foundation*]. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, 86–118 (in Russian).

Pisma A.O. Kowalevskogo k I.I. Metschnikovu (1866–1900) (1955). [A.O. Kowalevsky's letters to I.I. Metschnikoff]. Moscow-Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 311 p. (in Russian).

Protokoli Soveta Sankt-Peterburgskogo Imperatorskogo universiteta za 1869–1870 akademicheskii god (1870). [Minutes of the meetings of the Imperial St. Petersburg University Board for the academic year 1869–1870]. № 5. St. Petersburg: Tip. B.M. Volfa (in Russian).

Protokoli Soveta Sankt-Peterburgskogo Imperatorskogo universiteta za 1881–1882 akademicheskii god (1882). [Minutes of the meetings of the Imperial St. Petersburg University Board for the academic year 1881–1882]. № 25. St. Petersburg: Tip. B.M. Volfa (in Russian).

Protokoli Soveta Sankt-Peterburgskogo Imperatorskogo universiteta za 1883–1884 akademicheskii god (1884). [Minutes of the meetings of the Imperial St. Petersburg University Board for the academic year 1883–1884]. № 29. St. Petersburg: Tip. B.M. Volfa (in Russian).

Rimsky-Korsakov, M.N. (2009b). *Zoologicheskie vospominaniya* [Zoological memories], *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*, 1 (1), 108–136 (in Russian with English summary).

Shimkevich, V.M. (1908). *Sovremennaya letopis. N.P. Wagneri N.N. Polezhaev* (Iz vospominaniy zoologa) [Modern chronicle. N.P. Wagner and N.N. Polezhaev (from the memoirs of a zoologist)], *Zurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Nov. Ser. 16 (7). Otd. 4, 1–18 (in Russian).

Shirokov, V.A. (1991). *Vstupitel'naya statya "Russskiy Andersen"* [Introductory article "Russian Andersen"]. In: *Wagner N.P. Skazki Kota-Murliki* [N.P. Wagner. The tales of Kot Murlyka]. Moscow: Pravda, pp. 5–14 (in Russian).

Valiev, M.T., Zadneprovskaya, A.Yu. (2015). *Wagnery — ot aptechnoi stoiki do generala flota* [The Wagners — from the pharmacy counter to the general of the navy]. In: *Nemtsy v Sankt-Peterburge. Biograficheskiy aspekt. XVIII–XX vv.* [The Germans in St. Petersburg. Biographic aspect. 18th–20th centuries]. Vypusk 9, pp. 193–211 (in Russian).

Wagner, N. (1862). *Samoproizvolnoe razmnozhenie gusenits u nasekomykh*. [Spontaneous reproduction of caterpillars in insects]. Kazan: Kazanskiy un-t. 50 p. (in Russian).

Wagner, N. (1865). Influence de l'électricité sur la formation des pigments et sur la forme des ailes chez les Papillons. *Comptes rendus de l'Académie des Sciences*, 61 (4), 170–172.

Wagner, N.P. (1877). *Lekcii po Zoologii* [Lectures in Zoology]. St. Petersburg: Litografiya Shteine, 254 p. (in Russian).

Wagner, N.P. (1878). *Dopolnitelnaya statya* [Supplementary article]. In: Uolles A. Estestvenniy podbor. Pervod pod red. i dopolnitelnaya statya N.P. Wagnera [A.R. Wallace. Natural Selection. Translation edited, and supplementary article, by N.P. Wagner]. St. Petersburg: Tip. Sushchinskogo, pp. 447–463 (in Russian).

Wagner, N.P. (1885a). *Bespozvonochnie Belogo morya* [Invertebrates of the White Sea]. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasulevicha, 1885, 218 p. (in Russian).

Wagner, N.P. (1885b). *Istoriya razvitiya carstva zivotnih* [The history of the development of the animal kingdom]. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasulevicha, 284 p. (in Russian).

Wagner, N.P. (1887). *Istoriya razvitiya carstva zivotnih. Kurs filogeneticeskoi zoologii* [The History of the development of the animal kingdom. A course in phylogenetic zoology]. T. 1. (2d ed.) St. Petersburg. 245 p. (in Russian).

Wagner, N.P. (1889). *Vospominaniya ob Aleksandre Mikhailoviche Butlerove* [Memories of Alexander Mikhailovich Butlerov]. In: *Butlerov A.M. Statii po mediumizmu* [Butlerov A.M. Articles on mediumship]. S.-Peterburg: Tip. V. Demakova, I–LXVII (in Russian).

Wagner, N.P. (1890–1899). *Povesti, skazki i rasskazy Kota-Murliki* [Stories, tales and short stories of Kot Murlyka [Purring Cat]]. Vols. 1–7. St.-Peterburg: Tip. M.M. Stasulevicha (in Russian).

Wagner, N.P. (1892). “Kak ya sdelalsya pisatelem?” (Nechto vrode ispovedi) [“How did I become a writer?” (A kind of confession)], *Russkaya shkola*, 1, 26–38 (in Russian).

Wagner, N.P. (1901). *Kartiny iz zisni zivotnih* [Pictures from the life of animals]. St. Peterburg: Tip. A.F. Marks. 772 p. (in Russian).

Yasinskiy, I.I. (2010). *Roman moei zizni. Kniga vospominaniy* [The novel of my life. The book of memoirs]. Vol. I. Moscow, pp. 472–478 (in Russian).

Zagoskin, N.P. (1900). *Deyateli Imperatorskogo Kazanskogo universiteta. 1805–1900. Opyt kritiko-biograficheskogo slovarya* [Figures of Imperial Kazan University. 1805–1900. A critical biographical dictionary]. Kazan: Tip. Imp. Kazanskogo un-ta, 179 p. (in Russian).